

Любовь
приходит дважды

ОЛЬГА
СТРОГОВА

испытание чувств

Ольга Строгова

Любовь приходит дважды

«ЭКСМО»

2014

Строгова О.

Любовь приходит дважды / О. Строгова — «Эксмо», 2014

Когда тебе за сорок, на личной жизни можно поставить крест, а можно — знак «плюс». Это зависит только от твоего собственного желания. Аделаида Максимовна, директор провинциальной общеобразовательной школы, не была сильна в арифметике любви и не надеялась на счастье, но встретила его. Ее избранник моложе ее, хорош собой и так обаятелен, что невозможно не влюбиться. Меж тем вокруг Аделаиды закипают страсти, ведь любовь вернула ей молодость и сделала ее даже более привлекательной, чем в юные годы...

© Строгова О., 2014

© Эксмо, 2014

Ольга Строгова

Любовь приходит дважды

© Строгова О., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

2000 год,

где-то на северо-западе

– Да, такие вот дела, – сказал с тяжелым вздохом Борис Федорович Шереметьев, отставляя подальше пустую кружку с эмблемой пива «Невское» и придвигая к себе полную.

Его собеседник молчал. Он знал, что время удивляться, задавать вопросы и выражать сочувствие еще не пришло, поэтому ограничился тем, что издал неопределенно-подбодряющий звук.

На тарелке у собеседника горкой высились пустые рачьи доспехи.

– И, что самое главное, она ничего не хочет слушать, – продолжал Борис, – а ведь всегда была такая разумная женщина... за что я ее и ценил. Вот ты мне скажи как врач: может, все же это по вашей, медицинской, части? Может, ей таблетки какие попить надо или уколы поделать... а? Может, это все нервы? – И он посмотрел на собеседника с робкой надеждой.

Тот пожал плечами.

Это профессионально отработанное движение собеседника выглядело особенно впечатляюще потому, что был он основателен, широк и к тому же носил правильно сшитые, подложенные в плечах пиджаки.

– Вряд ли, – наконец изрек он. – Впрочем, надо бы посмотреть. Приведи ее ко мне на прием. Скажем, в среду, в шесть вечера, у меня найдутся свободные полчаса...

– Приведи! – с горькой усмешкой повторил Борис. – Ты что, меня не слушал? Как я могу ее привести, если она от меня ушла! Совсем, понимаешь ты это, Кашпировский?

Собеседник на Кашпировского не обиделся, так как был выше подобных вещей. К тому же Борис оказался прав – он действительно его почти не слушал.

К чему? И так все ясно.

Старая как мир история. Женщина, прожившая тишайшую и скромнейшую (читай – нудную и неинтересную) супружескую жизнь, в сорок семь лет влюбилась.

Разумеется, серьезно. Разумеется, навсегда. Разумеется, пойдет на все, лишь бы сберечь чувство, пробудившее ее от вялого, тягучего сна к настоящей жизни.

Собеседник знал множество таких историй, потому что работал психоневрологом в городской больнице. Психоневролог – это психиатр плюс невропатолог, два, что называется, в одном флаконе... и ставок, соответственно, тоже две. Ну, и еще он подрабатывал психотерапевтом в частном медицинском центре.

Звали собеседника Леонид Сергеевич Шаховской. Он был старинным приятелем и однокашником Бориса Федоровича.

В данный момент Леонид Шаховской испытывал к своему старинному приятелю жалость, смешанную с легким презрением. Брошенные, сетующие на жен мужа всегда вызывали у него именно такие чувства.

Сами виноваты. Женщина – существо, которое нельзя оставлять без внимания, особенно на длительный срок.

Вот его Светка никогда даже не задумывалась о самой возможности чего-либо подобного. Имея в мужьях Леонида Сергеевича Шаховского, ей *это* просто-напросто ни к чему.

Да и он не дает жене закиснуть, постоянно держит в тонусе.

Женщину держат в тонусе две вещи: необходимость зарабатывать мужнину ласку и страх мужа потерять – вон сколько вокруг свободных охотниц.

В обращении с женщинами, как и с животными, необходимо разумно сочетать строгость и ласку. Требовательность и обходительность. Кнут и пряник.

Кто-кто, а он постиг эту науку в совершенстве.

Что же касается Бориса... едва ли тут чем-нибудь поможешь.

Леонид Сергеевич, прожевывая последний кусочек розового рачьего мяса, промокнул салфеткой пышные, подковой, как у солиста «Песняров», седые усы и откинулся на спинку стула.

– Боюсь, что медицина тут бессильна, – сказал он сочувственно.

Борис как-то криво дернул щекой, поднялся и, не попрощавшись, двинулся к выходу.

Леонид Сергеевич некоторое время смотрел, как приятель ковыляет к двери – сгорбившись, неприкаянный, в несвежей сорочке и с «бахромой» на брюках, – потом принял решение.

– Ладно, я подумаю, – пообещал он, когда окликнутый им Борис, не скрывая радости, вернулся на свое место, – может, что и придет в голову...

* * *

– Леонид Сергеевич, вы просили напомнить – через десять минут конференция. – Звонкий голосок молодой ординаторши вырвал Шаховского из приятных размышлений, связанных с вечерним приемом во вторник.

Леонид Сергеевич Шаховской заработал тогда пятьсот рублей, что составляло примерно половину его месячного жалованья. Треть полученной суммы, правда, пришлось отдать медицинскому центру, но тем не менее...

Если так пойдет и дальше, с нудной и бесперспективной, в общем-то, работой в больнице можно будет распрощаться.

Самую доходную часть клиентуры психотерапевта Шаховского составляли женщины элегантного возраста – старше сорока. Скучающие жены бизнесменов, неудавшиеся (а бывало, что и удавшиеся) актрисы, озабоченные подростковыми проблемами мамы и свои же коллеги – врачи, мающиеся от личной неустроенности и застарелых неврозов.

Попадались, правда, и молоденькие, но нечасто. Смотреть на молоденьких и беседовать с ними, учить их жизни было, конечно, приятно, но строить на них долгосрочные расчеты ни в коем случае не следовало.

Женщин элегантного возраста Леонид Сергеевич пленял импозантной внешностью (седая львиная грива до плеч, ухоженные усы, костюмы, сшитые у хорошего портного, и обязательный шелковый шейный платок вместо галстука), глубоким, хорошо поставленным голосом театрального трагика, а также внушительными манерами и строгостью обращения.

Леонид Сергеевич никогда не заискивал перед клиентками, даже самыми многообещающими.

Принцип «чем меньше женщину мы любим...» претворялся им в жизнь неуклонно и почти всегда приносил достойные результаты. Клиентка получала желаемое облегчение душевных страданий как истинных, так и воображаемых, а психотерапевту доставались солидный

гонорар, другие различные проявления благодарности и, что самое главное, уверенность клиентки в том, что и в будущем за советом и помощью следует обращаться исключительно к Леониду Сергеевичу.

В общем, дела Шаховского шли в последние месяцы все лучше и лучше, так что он и думать забыл о Борисе Шереметьеве и его семейных неурядицах.

Отсидев положенное время на конференции и выступив пару раз в прениях по поводу участвовавших случаев «игровой зависимости», Леонид Сергеевич покинул больницу с приятным и спокойным чувством выполненного долга.

Было еще рано, часа четыре пополудни, и он решил заехать на своей новенькой «Тойоте» в медицинский центр.

Порадовав регистраторшу плиткой дорогого финского шоколада «Фазер», Шаховской спросил журнал записей на прием.

– К вам, Леонид Сергеевич, уже на середину июня записываются, – льстиво заметила женщина.

Шаховской дернул холемым усом и погрузился в изучение журнала.

От этого увлекательного занятия психотерапевта отвлек звонок по мобильному.

Постоянная клиентка, одна из немногих, имевших право звонить ему на мобильный, прислала на прием, ссылаясь на неотложные обстоятельства.

Пока Шаховской мычал в трубку, соглашаясь, пока откручивал колпачок байеровской перьевой ручки, чтобы лично записать клиентку на завтра, мимо регистрационной стойки, опустив голову, быстро прошла высокая темноволосая женщина.

Шаховской проводил ее озадаченным взглядом до самой двери и по ошибке записал клиентку на следующую неделю.

Так, это уже становится интересным... Что она тут делала?

Судя по всему, вышла из гинекологического кабинета. Перелистнем-ка страничку...

Ну да, точно, Шереметьева А. М., 20 мая, 15.30, гинеколог Литвинова Л. Д.

Так-так... И почему же это, позвольте спросить, Шереметьева А. М. не воспользовалась бесплатными услугами у себя, в женской консультации, а приехала в Город, на дорогостоящий частный прием?

Дверь гинекологического кабинета отворилась, и оттуда вышла Лида Литвинова, последнюю неделю огненно-рыжая, а сегодня, для разнообразия, платиновая блондинка. Свернула налево, в курилку.

Шаховской, пару секунд поразмыслив, положил журнал на стойку и двинулся следом.

Литвинова, которую Леонид Сергеевич предусмотрительно угостил сигаретой «Roll Mall», в разговор вступила охотно.

Шаховской сделал удачный комплимент новому имиджу гинеколога (Литвинова, одинокая женщина, трогательно зарделась), побеседовал о погоде, о возврате моды на расклешенные юбки и узкую остроносую обувь и, как бы между прочим, поинтересовался:

– А скажите, Лидочка, что это за молодая красивая женщина только что была у вас на приеме?

– Молодая?! – фыркнула тридцатипятилетняя Лидочка. – Ну вы и шутник, Леонид Сергеевич! Да ей же сто лет в обед! И при этом, представьте себе, она беременная!

– Едва ли такое возможно в сто лет, – выразил вежливое недоверие Шаховской.

– Ну, не в сто, в пятьдесят... без малого, – сбавила обороты Лидочка. – Да я сама своим глазам не поверила! Пенсия на носу, а туда же! Беременность, восемь недель!

– Скажите, какие чудеса бывают на свете, – продолжал удивляться психотерапевт.

– Ну! Я ей так и сказала: женщина, вы что, с ума сошли? Немедленно записывайтесь на аборт!

– Ну а она? – Психотерапевт был весь внимание.

– А что – она? Мотнула головой и ушла, не сказав ни слова! Точно вам говорю, Леонид Сергеевич, у нее не все дома!

– Ай-ай, что делается... – Шаховской предложил Литвиновой еще сигаретку. – Хотя, вы знаете, Лидочка, в Латинской Америке одна перуанка родила в шестьдесят...

Переключившись на Латинскую Америку и дикие перуанские нравы, Шаховской изящно закруглил разговор, не дав Лидочке осознать, как она только что, походя, выболтала врачебную тайну.

Вернувшись к регистрационной стойке, Леонид Сергеевич набрал номер Бориса.

– Ребенок, если я правильно понимаю, не твой, – сказал Шаховской приятелю, когда тот перестал багроветь и давиться пивом от услышанного.

– Не мой, – подтвердил Борис, – у меня с ней уже месяцев пять ничего не было.

Шаховской выразительно посмотрел на него, покачал головой, но ничего не сказал.

Подошел хозяин заведения Тарас, плотный, краснолицый, в переднике, с шестью полными кружками в руках.

– Погода-то, а? Может, съездим на выходные? – предложил он.

Шаховской пожал плечами и вопросительно посмотрел на Бориса.

Тот дернулся.

– А, – произнес пронизательный Тарас, – ну, тогда в другой раз.

И удалился.

Шаховской проводил его внимательным взглядом.

– И как это у него получается?

– О чем ты? – буркнул Борис.

– Да вот, кружки... я пробовал с пустыми – по две могу, а по три уже нет.

– Мне бы твои проблемы...

– Не горюй, – Шаховской легонько хлопнул его по плечу, – еще не все потеряно. Наоборот, я считаю, что у тебя появился шанс.

– Шутишь? Издеваешься?..

– Отнюдь. Слушай меня внимательно.

* * *

Уйдя от мужа, Аделаида Максимовна Шереметьева поселилась у своего заместителя по хозяйственной части, Екатерины Алексеевны Романовой. Аделаида Максимовна сделала это потому, что завхоз не просто «была в курсе» истории, произошедшей в школе перед весенними каникулами, но и принимала в ней самое непосредственное и горячее участие. Ну и еще потому, что больше Шереметьевой идти оказалось не к кому.

Началась же вышеупомянутая история с того, что в школе появился неожиданный гость – немецкий профессор из Швейцарии, которого почему-то очень интересовало, как обстоят дела со школьным образованием в России. Возможно – потому, что, кроме занятий наукой, он еще и руководил престижным гуманитарным лицеем в Цюрихе, возможно – по другим каким-либо причинам; до конца это так и осталось невыясненным.

Профессор на удивление быстро вошел в школьную жизнь, причем не как турист, наблюдатель или, хуже того, иноземный захватчик, а легко и непринужденно, вызывая симпатии, а то и покоряя сердца истосковавшихся по нормальному общению учительниц. Даже завхоз – человек по природе подозрительный и недоверчивый – в конце концов признала зарубежного гостя своим, достойным уважения и признания.

Это случилось после того, как она попыталась использовать его для достижения некоторых своих, сугубо личных, можно сказать, политических, целей (о чем мы подробно и не без

удовольствия уже рассказали в первой части нашей истории). А вышло так, что это он использовал ее и именно с ее помощью и при ее содействии получил здесь, у нас, все, что хотел.

Впрочем, возможно, он получил бы все и так.

Профессор, кроме прочего, оказался неплохим шахматным игроком.

Завхоз никогда всерьез не увлекалась шахматами, ей гораздо интереснее было манипулировать не покорными деревянными фигурками, а живыми людьми (для их же блага, разумеется); в этом она проявила себя настоящим гроссмейстером. Екатерина Алексеевна умела ценить подобные качества и в других.

Особенно в мужчинах.

Мужчины ведь в большинстве своем стоят гораздо ниже женщин на той лестнице интеллектуального развития, которая не имеет ничего общего с философией, наукой, управлением государством и прочими абстрактными, не имеющими практической значимости, вещами, однако напрямую связана с тем, что принято называть житейской мудростью и знанием человеческой природы.

Когда завхоз поняла, что по части человеческой природы иностранец, пожалуй, не так уж сильно ей и уступает, она стала относиться к нему со всем возможным для нее уважением и дружелюбием.

Когда же профессор вернулся к себе в Швейцарию, а Аделаида объявила, что уходит от Бориса и собирается замуж за немца, то завхоз, ни минуты не колеблясь, предложила ей временное пристанище в своем доме.

* * *

Аделаида после ужина мыла посуду.

Поселившись у завхоза, Шереметьева настояла на том, чтобы выполнять хоть какие-то домашние обязанности. Завхоз поначалу возражала, но потом, когда Аделаида заявила, что мытье посуды успокаивает нервы, уступила.

Против этого аргумента Екатерине Алексеевне нечего было возразить – сама она перестала мыть посуду в тот день, когда ее старший сын привел в дом свою первую жену.

Завхоз сидела на табуретке и смотрела, как ловко Аделаида управляет с оттиранием большой чугунной сковородки, на которой младшая невестка жарила сегодня цыплячки окорочка по-мексикански. Аделаида старательно терла застывший жир проволоочной губкой, поливала дно моющим средством и снова терла, добываясь от сковородки идеальной гладкости и чистоты.

Завхоз одобрительно кивала – она сама была педантом по части чистоты и неукоснительно требовала того же от всех своих домашних.

Однако, когда Аделаида подняла руку, чтобы вытереть со лба пот, завхоз спросила, не тяжело ли ей.

Аделаида, удивившись, ответила: нет, нисколько.

Завхоз перевела взгляд на ее талию и повторила вопрос.

Аделаида вспыхнула.

– А он знает? – спокойно поинтересовалась завхоз.

Аделаида, теребя завязки от фартука, помотала головой.

– Я не хотела говорить об этом по телефону.

– Тогда напишите ему, – предложила завхоз, забирая у Аделаиды фартук и придвигая ей табуретку.

– Я не могу, – тихо сказала Аделаида, – он вчера уехал в очередную экспедицию, в Гималаи. На целый месяц...

– Хорош директор лицея, – усмехнулась Екатерина Алексеевна, – там, наверное, скоро забудут, как он выглядит... Зачем его в Гималаи-то понесло?

– Я и сама толком не поняла, – медленно ответила Аделаида, – кажется, там были найдены следы древней индоарийской цивилизации... предков всех европейцев, и славян в том числе.

Завхоз задумалась. Потом с важным видом покачала головой:

– Он ищет Шамбалу.

Аделаида неуверенно посмотрела на нее:

– Конечно, Шамбалу. Что еще может искать археолог в Гималаях?

Екатерина Алексеевна неспешно поднялась, проследовала из кухни в кабинет и через несколько минут вернулась, держа в руках восемьдесят девятый том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Аделаида схватила тряпку и тщательно протерла кухонный стол.

– Сейчас посмотрим, – проговорила завхоз, надевая очки и бережно раскрывая книгу в благородном, красном с золотом, переплете, – ага... вот оно! Шамбала – мифическая страна блаженных и праведников в Тибете, которая упоминается во множестве древних текстов. Концепция Шамбалы первоначально была частью классического индуизма и связывалась с рождением царя Калки, будущей аватары Вишну... Последующее переосмысление... эзотерическая концепция Блаватской... предмет неудачных поисков множества научных экспедиций... ну, еще бы!

Аделаида уселась рядом с Екатериной Алексеевной и, нахмутив брови, принялась разбирать мелкий старинный шрифт.

– Ну надо же, – бормотала завхоз, – смотрите, что еще пишут... Первое упоминание о Шамбале встречается в тексте Калачакра-тантры (десятый век), который, как утверждают, сохранился со времен царя Шамбалы Сучандры, получившего учение Калачакры от самого царевича Шакьямуни... Будды, значит, – и завхоз наставительно подняла палец. – Что тут дальше... В десятом веке Шамбала сделалась невидимой для человеческих глаз, и теперь только чистые сердцем могут найти к ней дорогу.

Так вот, значит, почему до сих пор ее никто так и не отыскал!

Что еще... в недалеком уже будущем – лет этак через пятьсот-шестьсот – в Шамбале должна произойти великая битва между силами добра и силами зла. Если силы добра одержат верх над силами зла, это будет означать окончательную победу мудрости над невежеством, духовности над косностью, самоотверженности над эгоизмом...

Ну, это понятно, – заключила завхоз, закрывая книгу. – Неясно одно: что для нас лучше – чтобы он нашел Шамбалу или чтобы не находил? А то станет еще одним из этих... воинов добра, и будете вы ждать пятьсот лет, пока он не навоюется...

Аделаида слабо улыбнулась и покачала головой.

– Что ж, будем надеяться, что он *недостаточно* чист сердцем, – усмехнулась Екатерина Алексеевна. – И, насколько я понимаю, позвонить ему в Гималаи вы тоже не сможете?

– Нет, – вздохнула Аделаида. – Он предупредил, что в Гималаях не будет связи. Попросил, чтобы я не беспокоилась. А еще пообещал, что, когда вернется, сразу станет заниматься моей визой. А я к тому времени должна успеть развестись...

Завхоз некоторое время смотрела в окно, за которым из-за разросшихся кустов шиповника и сирени стояли вечные зеленые сумерки. Потом поставила на стол чистые чайные чашки, налила чаю и достала из буфета банку облепихового варенья.

– Полезно для плода, – сказала она, и Аделаида послушно положила себе несколько ложек.

* * *

– Вы бы все-таки подумали хорошенько, – говорили Аделаиде в ЗАГСе, принимая заявление о разводе, – муж-то вас любит, раз не хочет разводиться... А тот, другой, возьмет да и передумает. Мало ли таких случаев? И останетесь на старости лет ни с чем...

– Не передумает. Не останусь, – спокойно отвечала Аделаида.

В ЗАГСе пожимали плечами, советовали прийти еще раз, вместе с мужем, через недельку или лучше через две.

Развод, впрочем, обещали оформить в течение месяца.

Детей несовершеннолетних нет, имущественных споров – тоже, почему не оформить? Оформить можно. А только лучше бы она еще раз хорошенько подумала.

От предложений хорошенько подумать Аделаиду, при всей ее выдержке и терпении, уже начинало тошнить.

Особенно в этом направлении усердствовала дочь – она собиралась завести ребенка и очень на Аделаиду рассчитывала. Кто, в самом деле, с ним будет сидеть?

Аделаида решила пока не говорить дочери о том, что да, с ребенком она сидеть будет, и с удовольствием, только со своим собственным.

Да и никому она об этом не говорила, даже завхозу – та догадалась сама, хотя никаких поводов для таких догадок Аделаида не подавала.

Она крепко спала по ночам, у нее был прекрасный аппетит, легкий румянец не покидал посвежевшие щеки, в общем, чувствовала Аделаида себя хорошо и выглядела прекрасно.

Никакого раннего токсикоза, никакой тяги к соленьемому, а если когда и тошнило, то по другим, как мы уже упомянули, причинам и скорее в переносном смысле, нежели в прямом. Она даже немного похудела.

Совсем, в общем, другие ощущения, чем были, когда она носила Ленку.

Мальчик, неизвестно почему уверилась Аделаида.

Хорошо-то как! Подарю ему сына.

Аделаида по-прежнему, как ни в чем не бывало, ходила на работу, выполняла директорские обязанности. Это не тяготило ее, наоборот, она старалась, в преддверии близкой уже разлуки, выполнять эти обязанности с удвоенным рвением и с удвоенным же вниманием относиться к людям.

Люди же, если и догадывались о ее намерениях, вида никакого не подавали. Да и разговоров и сплетен за ее спиной было на удивление мало – завхоз постаралась.

* * *

Накануне последнего звонка в школе появились крепкие молодые люди с рулетками и планшетами, из городской ремстройконторы.

Мэр держал свое слово насчет спортзала.

Аделаида, усмехнувшись, вспомнила, сколько времени ей пришлось обивать различные пороги, сколько прошений составить в различные инстанции, вплоть до областного Министерства финансов, чтобы получить средства на ремонт, – и все напрасно.

Причем напрямую ей никто не отказывал, просто отвечали, что ваша, мол, заявка принята к сведению и будет рассмотрена в ближайшее время.

Когда в школе появился иностранный гость, завхозу даже пришлось запереть спортзал, повесив на двери табличку «Ремонт», чтобы не позориться.

А получилось так, что именно благодаря гостю вопрос был решен наконец в пользу Аделаиды.

Только и надо было профессору выпить с мэром на одной административной тусовке и искренне, от души, посмеяться над его анекдотами. Ну и еще пообещать, что в следующем году он придет снова и привезет с собой всю лицейскую баскетбольную команду – для соревнований в стенах школы и дальнейшего укрепления дружеских международных связей.

Нет, мужчинам, даже директорам школ, живется несравненно легче, чем женщинам!

Аделаида, вздохнув, убрала в нижний ящик стола давно уже подготовленное заявление об уходе и вместе с завхозом спустилась вниз.

Молодые люди держались надменно, на скудный спортивный инвентарь посматривали с нескрываемой усмешкой; один из них, отковырнув со стены кусочек краски, тут же брезгливо вытер пальцы бумажным платком, другой, присев на корточки перед самой крупной щелью в полу, осведомился, как же можно было дойти до жизни такой.

Аделаида, смутившись и покраснев, собралась, по старой памяти, объясняться и оправдываться, но тут вперед выступила завхоз.

– Вас прислали сюда не для того, чтобы болтать языком, – уперев руки в бока, грозно произнесла она, – вас прислали работать. Вот и начинайте. И имейте в виду, к июлю все должно быть закончено.

Молодые люди в растерянности переглянулись.

Потом решили, что, видимо, эта узкоглазая говорит с ними таким тоном потому, что имеет право.

На Аделаиду они сразу же перестали обращать внимание, чему она была только рада. Благодарно улыбнувшись завхозу, директор покинула спортзал, а Екатерина Алексеевна осталась вести дальнейшие переговоры.

Большое окно в холле первого этажа было распахнуто настежь, две технички сбрызгивали его жидкостью «Секунда» и оттирали насухо старыми газетами.

В холл беспрепятственно лился майский свет и аромат цветущей сирени, такой сильный и буйный, что временами он забивал даже запах «Секунды», от которого у техничек слезились глаза и щипало в носу.

Аделаида вышла на крыльцо и глубоко вдохнула этот чудесный аромат близкого лета и неминуемого, несмотря ни на что, окончания учебного года.

Аромат свел ее с крыльца и потянул вправо, за угол, туда, где у самых окон школьной столовой гнулись под тяжестью белой и сиреневой пены тонкие зеленые ветви.

* * *

Сирень – магическое растение. Если зарыться носом в цветущие грозди и закрыть глаза, то достаточно ничтожно малого мысленного усилия, чтобы очутиться в Сиреневой стране.

Из Сиреневой же страны можно попасть куда угодно, в любое место, где цветет сейчас хотя бы один, пусть чахлый и слабый, кустик сирени. Но, конечно, туда, где сирени – целое море, попасть гораздо легче. Миг – и ты уже там.

В Питере, например, больше всего сирени на Марсовом поле.

После каждого сданного в летнюю сессию экзамена Аделаида с подругой ходили туда – отдохнуть, поесть мороженого (сливочный пломбир в вафельном стаканчике за девятнадцать копеек!) и помечтать о будущем.

У них на Марсовом поле появилась своя, любимая, скамейка с видом на Неву и примета – если скамейка свободна, то и следующий экзамен пройдет успешно.

Если же скамейка оказывалась занята... ну, в конце концов, кто же верит в приметы во времена разрядки международной напряженности, покорения космоса и всеобщего неуклонного продвижения вперед?

Подруга, фантазерка и мечтательница, развлекала Аделаиду сочиняемыми на ходу историями про будущую, интересную и такую непохожую на нынешнюю, жизнь.

Она в любом случае должна была быть прекрасной и неповторимой. И романтической, потому что главное в жизни – это любовь.

Лучше всего выйти замуж за ядерного физика и уехать с ним в Дубну или Серпухов, говорила подруга, ученые там вот-вот откроют термоядерный синтез и тем самым произведут переворот в мировой науке и экономике.

Или за астронома и отправиться с ним в Крым – тоже очень интересно и перспективно.

Говорят, они там ловят разные сигналы со звезд и вот-вот вступят в контакт с иными цивилизациями (подруга, учившаяся на филологическом, обожала братьев Стругацких и сама собиралась стать писателем-фантастом).

Про Сиреневую страну тоже она придумала и рассказала Аделаиде.

Сиреневая страна понравилась той гораздо больше, чем байки про управляемый термояд или голоса неба.

Было в этой истории что-то трогающее душу.

Не мощные катаклизмы в мире элементарных частиц, наблюдаемые бесстрастным интеллектуалом с холодными голубыми глазами, и не звездные дороги, на которых заблудился взъерошенный, ошалевший от бессонницы астроном, мечтались ей на сиреновой скамейке...

А маленький домик на берегу реки или озера, синий лес, тишина... Сирень, конечно же, вокруг, а еще – яблони, груши, кусты малины...

И кто-то с удочкой, сидящий на краю длинных деревянных мостков.

Облик рыбака виделся неясно, но домик, кусты, солнечные блики на безмятежно-ленивой воде представлялись двадцатилетней Аделаиде совершенно отчетливо.

Потом она вышла замуж за Бориса, и Сиреневая страна постепенно забылась вместе с другими мечтами (хотя чего-чего, а сирени в нашем городке всегда росло предостаточно).

С подругой-фантазеркой, не ставшей писателем, зато успешно защитившей диссертацию и согласившейся работать на кафедре филологии, Аделаида пару раз в год обменивалась поздравительными открытками.

Иногда ей приходило в голову, что вот, хорошо бы встретиться, поболтать, вспомнить молодость... но все как-то руки не доходили позвонить и договориться, были какие-то мешающие обстоятельства. Да и Питер не близко, просто так туда не выберешься.

И каждый год, в конце мая – начале июня, в пору цветения сирени, Аделаида шла на работу мимо буйно разросшихся кустов, испытывая лишь легкое томление от запаха и заботу о том, что надо бы их подрезать, чтобы не заслоняли солнце и не мешали открывать окна в столовой.

* * *

Теперь же Аделаида стояла под окном, наклонив к себе самую тяжелую, пышную кисть, и с упоением искала в ней пятилистники. Она нашла уже три, и все их, как полагается, съела.

Жаль, что там, где он сейчас, не растет сирень.

Но, может быть, она растет у его дома в Цюрихе?

Аделаида прижала кисть к щеке и закрыла глаза.

Перед глазами завертелись пышные бело-розовые и сиреневые смерчки. Земля под ногами на мгновение исчезла, потом появилась снова, но гораздо более твердая.

Аделаида, вздрогнув, посмотрела вниз – под ногами был камень. Брусчатка. Аделаида видела такую в Хельсинки, во время единственного за свою жизнь выезда за границу. Это было ранней весной, Хельсинки оказался весь окутан серым туманом и оттого не произвел на Аде-

лаиду большого впечатления, а вот брусчатка под ногами вместо привычного растрескавшегося асфальта почему-то запомнилась.

Аделаида решила, что такая брусчатка должна быть во всех известных европейских городах.

Темная, шершавая, древняя на вид, она и сейчас оказалась у нее под ногами. Аделаида подняла глаза – в двух шагах от нее была стена дома: большие квадратные плиты темно-серого со светлыми волнистыми прожилками, похожего на мрамор камня.

Аделаида пришла в восторг и оглянулась – а сирень-то где?

И тут же земля под ногами ушла снова, а над головой с треском распахнулось окно, и чей-то визгливый голос прокричал:

– Аделаида Максимовна, что с вами?

Аделаида закрыла лицо руками.

Школа, подумала она. Здесь и сейчас.

– Аделаида Максимовна! – продолжала надсаживаться повар Алиса, наполовину высушившись из окна.

– Да слышу я, – нехотя отозвалась директор, нагибаясь и стряхивая с туфель налипшую землю, – что вы так кричите, Алиса Павловна?

– И после этого, – вздохнула рассказывала Алиса, – повернулась и пошла себе, как ни в чем не бывало! Представляете?!

На лицах слушателей было написано некоторое недоумение.

– Ну и что? – спросил наконец трудовик. – Погода хорошая, вышла подышать свежим воздухом... тоже ведь человек, хотя и директор.

– Да она сирень ела, я сама видела! – выкрикнула Алиса.

Медсестра улыбнулась.

– Я тоже иногда ем, – сообщила она, – это для здоровья полезно, если в небольших количествах.

– Да она... она... – Алиса чувствовала, что ей никак не удастся донести до слушателей важность момента, – она стояла там, застыв, как статуя, с закрытыми глазами... и вообще, у нее было такое лицо, словно она не здесь, а где-то совсем в другом месте!

– Ну все, Алиса, успокойся, – сказала завхоз, поднимаясь.

Вслед за ней поднялись и остальные.

– Ничего особенного не произошло. Иди вон лучше за котлетами присмотри, а то опять половина сгорит, как вчера.

Нейтрализовав таким образом Алису, Екатерина Алексеевна приступила к изучению предварительной сметы на ремонт спортзала, составленной крепкими ребятами.

Через некоторое время брови ее иронически поползли вверх, а на полях появилась первая карандашная пометка – началась привычная работа с финансовым документом.

И все же что-то не давало ей полностью сосредоточиться на этом процессе; рядом с главным, мощным и основным ходом мыслей тек слабенький ручеек, не относящийся к делу, мешающий и даже тревожный.

– Не нравится мне все это, – размышляла завхоз, вычеркивая из сметы финскую краску «Тиккурила» и заменяя ее недорогой отечественной. – Совсем не нравится.

Положим, Алиса половину приврала, не без этого, но ведь дыма без огня не бывает.

Всякие там исключения сознания беременной женщине совершенно ни к чему. Надо будет уговорить ее сходить к врачу. К хорошему. Только вот где бы его взять?..

* * *

– Нет, – произнесла Аделаида, когда они с завхозом подходили к дому, – спасибо, Екатерина Алексеевна, но – нет. Я прекрасно себя чувствую.

Тут Аделаида вспомнила свой визит в частный медицинский центр и добавила:

– К тому же я наперед знаю, что они мне скажут. Возраст, скажут, у вас. Опасно. Делайте аборт, пока не поздно. А я не хочу. Я ребенка от него хочу.

– Врачи разные бывают, – возразила завхоз, но Аделаида лишь улыбнулась и покачала головой.

У дома Екатерины Алексеевны сидел на скамейке и читал газету Борис Федорович, муж Аделаиды.

Аделаида остановилась. Завхоз, кивнув Борису, поднялась на крыльцо и загремела ключами.

– Здравствуй, Ада, – сказал Борис.

– Здравствуй, – отозвалась Аделаида.

С тех пор, когда они виделись последний раз (примерно неделю назад), Борис явно изменился к лучшему. Подстриг бороду и остатки волос на затылке, был чисто и опрятно одет, и в лице его и манерах держаться снова стала заметна уверенность человека состоявшегося, можно даже сказать, успешного.

Ну и слава богу, подумала Аделаида.

– Хорошо выглядишь, – непринужденным тоном проговорил Борис.

– Спасибо, – ответила Аделаида, – ты тоже неплохо.

– У меня к тебе есть одна просьба.

Аделаида внимательно посмотрела на него.

Вроде бы сегодня Борис не собирается уговаривать ее одуматься и вернуться к нему. А тогда что же, послушаем...

– Да? – подбодрила его Аделаида.

Оказалось, что на этот раз Борис просит ее сходить с ним в субботу на встречу однокурсников. Она будет не простая, а юбилейная – 30 лет выпуска, и придут туда практически все. С женами (или мужьями). И Шаховской будет со Светкой, и Лопухин с Клавдией, и сестры Оболенские со своими боксерами...

– А самое главное, придет Феликс со своей финкой – помнишь Феликса, длинный такой, как жердь, с эспаньолкой, похож на Дон Кихота? Так вот, Феликс теперь у нас декан. И ему нужен заместитель.

– Это хорошо, – серьезно сказала Аделаида, – только я-то здесь при чем?

– А при том, – ответил Борис, – Феликс ко мне хорошо относится, и у меня есть все шансы занять эту должность. Но у Феликса такие странные взгляды на мораль, что он ни за что не возьмет себе в заместители человека разведенного. Понимаешь, Феликс не станет разбираться, я тебя бросил или ты меня. А среди наших уже пошли слухи... В общем, если бы ты согласилась... просто пойти со мной туда, ничего более...

– Хорошо, – кивнула Аделаида, подумав. – Я вовсе не хочу портить тебе карьеру. Но ведь потом так или иначе все станет известно...

– Потом, – произнес Борис с усмешкой, – это будет уже неважно. У нас в институте уволить человека с должности гораздо труднее, чем на нее взять. Да и когда еще произойдет это «потом»...

– Не позднее чем через месяц, – твердо проговорила Аделаида.

– Так я заеду за тобой в субботу, – попрощался Борис, сделав вид, что не расслышал ее последних слов.

Может, не надо было соглашаться, подумала Аделаида, проводив его взглядом.

Странное какое-то чувство осталось после этого разговора, непонятное и тревожное – хотя с чего бы?

То, о чем Борис просит, ведь мелочь, пустяк.

Почему бы ей не сделать этого для человека, который как-никак двадцать пять лет был ее мужем и перед которым она виновата?

А потом пусть Борис сам разбирается со своим Феликсом...

К тому же она пообещала, что пойдет. А слово свое Аделаида держала всегда.

* * *

В тот же день, только пятью часами раньше и шестью тысячами километров юго-восточнее, небольшая группа людей и выючных животных устроилась на привал в заброшенном буддийском монастыре, последнем человеческом жилье на пути из населенной и гостеприимной долины Катманду к холодным и грозным вершинам Канченджанги.

Канченджанга, красивейший горный массив в Гималаях, пять вершин которой именуются также «сокровищами вечных снегов», одно время оспаривала первенство по мировой высоте у самого Эвереста-Джомолунгмы.

В Непале существует легенда, что Канченджанга – гора-женщина, и оттого она убивает всех женщин, которые пытаются подняться на ее вершины. В подтверждение этой легенды приводятся и факты: одной-единственной женщине, англичанке, удалось в 1998 году подняться на главную вершину Канчи и даже спуститься обратно, но отважная альпинистка все равно погибла полтора года спустя при восхождении на более низкую и безопасную Дхаулагири.

Вопрос о мировом первенстве по высоте решился окончательно в пользу Эвереста (географы-топографы оказались сплошь мужчины), а женщины всё продолжали штурмовать Канченджангу – надо полагать, из чистого упрямства.

Однако среди наших путешественников не было женщин.

Да и не собирались те, о ком мы говорим, подниматься на саму Канченджангу.

Они рассчитывали найти то, что им было нужно, до того, как «сокровища вечных снегов» нависнут над ними всеми своими нестерпимо сверкающими вершинами и из дымчатых, обманно-молчаливых теней спустят на них смертоносные лавины.

По крайней мере, так обещал людям их предводитель.

Предводитель, немецкий профессор из Швейцарии, не бывал раньше в здешних местах, но, по-видимому, знал о них нечто такое, что оказалось неизвестно местным жителям, профессиональным носильщикам и проводникам.

Но это не имело для них такого уж большого значения.

Важно было, что всем им хорошо заплатили вперед, а кроме того, профессор пообещал: они ни в коем случае не полезут на опасные участки.

Обнадеживало также то, что ни у самого профессора, ни у его ассистента, тоже немца, не оказалось с собой никакого альпинистского снаряжения.

Кроме двоих немцев, в маленьком отряде было пятеро туземцев (двое коренных непальцев и трое китайцев из провинции Тибет) и три пони местной, особо выносливой породы, которые несли на своих широких мохнатых спинах почти весь груз экспедиции.

Люди покамест тащили только личную поклажу.

Самое ценное (ноутбук Sony последней модели с мощным, усовершенствованным, часов на двенадцать автономной работы аккумулятором) нес лично начальник экспедиции, а его ассистент тащил в рюкзаке коробку спутникового телефона.

Начальник, профессор Роджерс, еще в Катманду говорил ассистенту, что данная часть Большого Гималайского хребта традиционно является «белым пятном» для всех видов радиосвязи, но ассистент, свято веривший в достижения прогресса, не воспринял это всерьез.

Теперь тяжелая, громоздкая и совершенно бесполезная вещь болталась в плохо уложенном рюкзаке ассистента, при каждом подъеме или спуске больно ударяя его по копчику.

На привале ассистент решил наконец переложить телефон в поклажу одного из пони, но тут профессор подозвал парня.

– Клаус, – сказал он, разворачивая к ассистенту экран включенного ноутбука, – что ты об этом думаешь?

На экране была крупномасштабная карта местности, по которой им предстояло пройти. Вдоль дороги то тут, то там возвышались цветные пирамидки, обозначающие религиозные статуи, часовни и другие культовые сооружения.

– Очень уж их много, – недовольно заметил Клаус.

Он говорил по-немецки, чтобы местные (Клаус всех их, независимо от происхождения, называл шерпами) не поняли, о чем идет речь.

Профессор, настаивающий на том, чтобы любые разговоры велись на языке, хотя бы отчасти понятном каждому из присутствующих, то есть на английском, на этот раз промолчал и не сделал Клаусу замечания.

Ободренный ассистент продолжил:

– Если у каждой точки мы будем останавливаться хотя бы на десять минут, то...

– Не на десять, – возразил профессор на том же языке, – вот здесь, здесь и здесь – изваяния Авалокитешвары, а Панди у нас индуист... Полчаса, по меньшей мере, на каждую...

Самый старший из шерпов, смуглый и морщинистый, как грецкий орех, услышав свое имя, вскочил и вопросительно посмотрел на них. Профессор улыбнулся и успокоительно махнул рукой – сиди, мол, и тот немедленно плюхнулся на прежнее место, одарив профессора, в свою очередь, широченной улыбкой и преданным взглядом.

– Вы что, помните их всех по именам? И даже знаете, кто есть кто? – недоверчиво осведомился Клаус.

Профессор, не отрывая глаз от экрана, рассеянно кивнул.

– Ну хорошо, – не унимался парень, – а как зовут того, что сидит прямо у вас за спиной, с головой, обмотанной желтой тряпкой, и в ужасном вонючем бараньем жилете? Судя по его виду, он готов молиться по часу каждому камню на нашем пути!

– Не думаю, – отозвался профессор, понизив голос и не оборачиваясь, – видишь ли, Лай-По – приверженец конфуцианства, а конфуцианцы, как ты знаешь, практически атеисты... если не считать культа предков.

Ассистент надулся и замолчал.

– И еще у нас на пути будут две статуи Будды Шакьямуни, – продолжал профессор, – а значит...

– Пойдя по этой дороге, мы рискуем задержаться на целый день! – выпалил Клаус.

– Совершенно верно. Следовательно, по этой дороге мы не пойдем.

– А... как же иначе?

– Мы пойдем здесь. – Клаус проследил взглядом направление, указанное на экране профессором, и негодуя воскликнул:

– Здесь же нет никакой дороги! Узенькая, едва заметная тропочка, забирающая круто вверх! Пони же тут не пройдут!

– Пони нет, – согласился профессор.

Ассистент некоторое время смотрел в безмятежные глаза профессора (раньше они были серыми, серьезными, хорошего стального оттенка, но здесь, в горах, в них появилась некая легкомысленная синь).

- Но, герр Роджерс, вы же не собираетесь...
Профессор ободряюще похлопал его по плечу и встал.
– Рано или поздно это должно было случиться. Займись багажом.

* * *

Спутниковый телефон Клаус по-прежнему тащил с собой – не отправлять же его назад в Катманду вместе с пони, которых увел улыбчивый индуист Панди, бывший у шерпов за главного.

За это Панди, видимо, и заплатили, как всем, хотя вместо тяжелого и непредсказуемого пути в горы с грузом за плечами ему предстояло легкое и приятное возвращение домой.

Клаус был не против того давно установившегося в мире факта, что начальник получает больше за меньшую работу, но возражал против расточительной щедрости профессора. По мнению Клауса, оказалось бы вполне достаточно и половины суммы, и уж тем более не стоило платить этим шерпам вперед.

Сгибаясь под тяжестью рюкзака, в котором прибавилась палатка и спальный мешок, ворча и оскальзываясь на каменной крошке, Клаус плелся следом за профессором.

Профессор же, несмотря на то что был почти вдвое старше двадцатидвухлетнего Клауса (хотя по виду никак не скажешь, старик неплохо сохранился), вышагивал себе, насвистывая и любуясь окрестностями, словно на spazier'e в родном Цюрихе.

Вдобавок он, похоже, без всяких усилий нес за спиной не только ноутбук, но и тридцать шесть килограммов консервов, и надежды Клауса, что профессор скоро выдохнется и объявит привал, следовало признать напрасными.

Лишь когда пять вершин Канчеджанги, весь день горевших вдали нестерпимым для глаз ледяным блеском, окрасились мягким золотом заката («Хорошо сказано, – подумал Клаус, – надо будет обязательно записать»), профессор остановился.

Шерпы, по виду несколько не уставшие, тут же скинули с плеч груз, уселись в кружок прямо на камнях и принялись набивать свои короткие глиняные трубочки.

– Эй, а костер кто будет разводить? – прикрикнул на них Клаус.

Шерп по имени Лай-По, тот самый, в желтой тряпке на голове и противном жилете, коротко глянул на Клауса и что-то пробормотал остальным. Те засмеялись.

Клаус подлетел к профессору.

– Вы слышали, что он сказал?!

Профессор, рывшийся в самом большом рюкзаке, издал какой-то неопределенный звук. Потом повернулся к разъяренному ассистенту и совершенно спокойно ответил:

– Слышал. Он сказал, что вокруг нет ни кустов, ни деревьев, вообще ничего, что могло бы гореть, – только камни. И знаешь, Клаус, я думаю, он прав.

Парень потерянно замолчал.

– Мы ведь уже на высоте четыре тысячи пятьсот метров, – словно извиняясь, добавил профессор, – здесь ничего не растет, кроме кое-какой травы и мха.

– Ладно, – горько промолвил Клаус, – я понял. Горячего ужина не будет. Когда я умру, просто сбросьте меня в ближайшую пропасть. Спутниковый телефон, компас и дневник с путевыми заметками завещаю вам...

– Ну-ну, – успокоительным тоном возразил профессор, – все не так страшно. Я не говорил, что горячего ужина не будет.

И протянул Клаусу пакет с углем.

* * *

Все и в самом деле оказалось не так страшно.

Профессор быстро и ловко (где только научился) соорудил из камней очаг.

Шерпы сходили за водой к невидимому в сгущающихся сумерках, но хорошо слышимому ручью. Когда угли, спрыснутые горячей жидкостью, хорошо прогорели, в котелке с толстыми стенками и дном была сварена похлебка из говяжьих консервов, лука и пшена.

Чтобы подвесить котелок, профессор в мгновение ока воздвиг хитроумную конструкцию из металлических стержней – Клаус, маявшийся в это время с двухместной палаткой, только диву давался.

Когда же после кратких переговоров с Лай-По профессор всыпал в свое варево какие-то китайские травы и корешки, запах от котелка пошел такой, что Клаус сразу перестал сражаться с противомоскитным пологом (да и откуда тут москиты!) и побежал к рюкзаку за ложкой.

После ужина Клаус взялся вычистить котелок, надеясь, что за это время с палаткой разберется кто-нибудь другой.

Так оно и вышло.

Когда он вернулся от ручья, усталый и довольный собой (котелок заблестел, как новенький), профессор сидел в одиночестве перед входом в полностью готовую палатку и что-то читал при свете карманного фонаря. Шерпы удалились на покой в свою большую палатку, и оттуда уже доносился их храп.

Клаус с блаженным вздохом уселся рядом с профессором. Профессор сложил то, что читал (Клаус успел заметить, что это было письмо с какими-то стихами), убрал под свитер в нагрудный карман рубашки и спросил ассистента, как он себя чувствует.

– Ну, – ответил Клаус, подумав, – я, пожалуй, не отказался бы сейчас от баночки пива «Хейнекен»... И посмотреть матч «Ливерпуль» – «Бавария», его как раз сегодня по RT2 транслируют... И чтобы Эльза пришла и сделала мне массаж ступней, а утром приготовила бы мне капучино и омлет с ветчиной и грибами.

– Да, – отозвался профессор сочувственно, – я тебя понимаю. Нет в мире совершенства. После чего пожелал Клаусу спокойной ночи.

Клаус просунул голову в палатку и спросил, чего (или кого) самому профессору не хватает для полного счастья, но тот уже упаковался в спальный мешок и сделал вид, что спит.

А может, и правда заснул, кто его знает.

* * *

На вечеринке Аделаида первым делом постаралась отыскать себе минеральную воду или сок. Однако несколько графинов с мутной розовой жидкостью, специально заказанные для тех, кто «за рулем», были к их с Борисом приезду уже практически пусты.

А все потому, что Шереметьевы опоздали. Борису вздумалось по дороге заскочить на автозаправку, там оказалась очередь, а в очереди знакомые...

В общем, когда супруги приехали, веселье было уже в самом разгаре.

Для юбилейной встречи Борисовы одноклассники сняли банкетный зал кафе «Аист» – кухня, интерьер и винные запасы убогие, зато дешево и сколько угодно места для танцев под стереосистему.

Выпивку, впрочем, по большей части принесли с собой, на закуску же никто особенного внимания не обращал.

Люди пришли сюда не для того, чтобы выпить и поесть, а чтобы пообщаться.

Блуждая с пустым бокалом и несколько напряженной улыбкой по залу, Аделаида увидела долгоязого Феликса и его финскую жену, сидящих за отдельным столиком.

Финская жена в полном молчании и сосредоточенности кушала красную рыбу, а сам Феликс, отвернувшись от супруги, вполголоса беседовал с придвинувшим свой стул и почти-тельно изогнувшимся Лопухиным – главным, как уже знала Аделаида, конкурентом Бориса.

Феликс поздоровался с подошедшей Аделаидой вежливо, но без малейшего интереса. Она оглянулась по сторонам в поисках мужа, но тот, как нарочно, куда-то исчез.

«Зря я сюда пришла, – подумала Аделаида. – Пить нечего, есть, в общем-то, тоже».

От одного запаха дешевого майонеза, который они кладут в свой фирменный салат «Сто-личный», пропадает всякий аппетит. А горбуша в тарелке финской жены такого интенсивного оранжевого цвета, будто ее специально выкрасили – горбушу, разумеется, не жену...

– Ада! Какая приятная неожиданность!

Аделаида обернулась. Радостно улыбаясь и широко раскинув руки, на нее надвигался Леонид Шаховской.

Он был один, без Светки, и это несоответствие уверениям Бориса кольнуло обострившу-ю чувствительность Аделаиды.

Впрочем, поразмыслить над этим ей так и не удалось, потому что Шаховской осуществил свое намерение – обнял ее и прижал к обширному, обтянутому модным вельветовым жилетом животу.

Когда же она деликатно высвободилась, Шаховской отобрал у нее пустой бокал и заявил:

– Да, с выпивкой здесь не очень. Пойдем-ка со мной, у меня есть то, что тебе нужно.

Удивленная Аделаида позволила отвести себя в уголок, к дальнему концу банкетного стола. Там из своего дорогого, натуральной кожи, хотя и несколько старомодного кейса Шахов-ской извлек две небольшие бутылочки импортного виноградного сока.

– Достал по случаю, – похвастался он, отвинчивая крышку одной из бутылочек и пере-ливая содержимое в бокал Аделаиды, – и, предвидя ситуацию, захватил сюда. Я ведь тоже не пью, за рулем... У меня, кстати, теперь «Тойота Королла», серебристый металлик...

Аделаида выразила сдержанное восхищение.

Шаховской расплылся в довольной улыбке.

– Да, вот решил поменять!

Аделаида выразила уверенность в том, что дела у Леонида идут хорошо.

– Нормально... У Светки тоже все в порядке, спасибо! Да, конечно, передам... А ты сок-то пей, настоящий, немецкий, сплошные витамины, не то что наши подделки!

* * *

Аделаида потягивала прохладный и в самом деле очень вкусный сок и чувствовала, что все ее недовольство куда-то улечивается.

Хриплый вой из раздолбанной стереосистемы сменился вполне приемлемыми для слуха звуками, и танцующие прекратили бессмысленно и нелепо дергаться, а стали прислушиваться к ритму; освещение в зале приобрело приятный для глаз, слегка приглушенный оттенок, и даже запахи от банкетных блюд больше не казались ей такими уж тошнотворными.

Она отломила корочку ржаного хлеба и принялась жевать, то слушая Шаховского (тот, склонившись к Аделаиде и щекоча ей ухо пушистым надушенным усом, делал всем присут-ствующим иронические характеристики), то удивляясь своим внутренним ощущениям.

Они были довольно необычные, но приятные.

В ней словно нарастала волна радостного, легкого восприятия жизни, когда светлое дела-ется еще светлее, серое и невзрачное окрашивается в яркие, радужные тона, а темное просто исчезает.

Неожиданно для себя Аделаида обнаружила, что смеется – не то чтобы громко, во весь голос, а так, хихикает, словно ее щекочут.

Шаховской, видимо, приняв хихиканье на свой счет, придвинулся еще ближе.

Аделаида отмахнулась от собеседника, задев его по носу, что вызвало у женщины новый приступ смеха. Несмотря на шум и гвалт в банкетном зале, ее слышали. Ближайшие соседи по столу обернулись и посмотрели на Шереметьеву.

В прежние времена Аделаида, оказавшись в центре внимания, засмушалась бы и попыталась улизнуть из этого самого центра как можно скорее, но сейчас ей было все равно.

Ослепительно улыбаясь, она подняла бокал и нараспев провозгласила:

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Соседи тоже заулыбались, понимающе переглядываясь.

Некоторые протянули свои бокалы и рюмки, чокаясь с ней. Какие милые, приятные люди, подумала Аделаида, как хорошо, что я все-таки пришла сюда.

При этом некий тревожный звоночек, давно уже дребезжавший где-то за левым ее ухом, тренькнул последний раз и замолчал.

Это толстый бандит Шаховской, протянув волосатую руку, украшенную массивными золотыми часами «Ролекс» и топазовым перстнем, оборвал его и бросил за спину.

Аделаида кокетливо погрозила ему пальчиком.

– А почему бы нам с тобой не пойти потанцевать? – внезапно вдохновился Шаховской.

Аделаида, улыбаясь, покачала головой.

– Ну и ладно, – мирно согласился Шаховской, – посидим так. За тебя!

И он вылил в ее бокал остатки сока.

– Понимаешь, Леонид, – слегка заплетающимся языком говорила Аделаида, – понимаешь... мне не очень хочется танцевать. Ты, главное, не обижайся... Мне вообще ни с кем сейчас не хочется танцевать, кроме одного-единственного человека... А его сейчас нет здесь, он очень далеко, он в этих... как их... Гималаях... понимаешь?

Шаховской рассеянно кивнул и зачем-то посмотрел на часы.

– Ну вот, ты все-таки обиделся...

Шаховской покачал головой и положил свою влажную мясистую ладонь на ее обнаженную до лопаток спину.

– Давай-ка выйдем на воздух, – предложил он, поднимая свалившуюся с ее плеча бисерную сумочку и подавая ей, – по-моему, тебе пора освежиться.

Аделаида согласно закивала головой и встала, хотя пол под ногами так и норовил вздыбиться. Путь до двери показался ей очень долгим.

На улице вечерняя свежесть, лунный серпик, повисший над водосточной трубой, и близкий запах сирени почти привели Аделаиду в чувство. Голова ее прояснилась, но почти сразу же женщина почувствовала страшную усталость.

Ноги Аделаиды подогнулись, и, чтобы не упасть, она уцепилась за Шаховского.

Тот ловко ухватил ее за талию и повел куда-то в сторону.

– Куда? – слабо спросила Аделаида.

– Сюда, – сказал Шаховской, останавливаясь перед новенькой, сверкающей в лунном свете «Тойотой» и распахивая перед Аделаидой заднюю дверцу, – я отвезу тебя домой.

Аделаида хотела возразить, что это ни к чему, Борис отвезет, надо только его подождать, но лишь пролепетала что-то невнятное. Язык не слушался, и глаза закрывались сами собой.

Радужные волны полностью захватили ее и унесли прочь от берега. Она упала на широкое заднее сиденье, не замечая, что с левой ноги свалилась туфелька, свернулась клубочком и погрузилась в глубокий сон.

* * *

Шаховской некоторое время постоял, глядя на спящую Аделаиду, потом нагнулся и резко провел ладонью перед ее лицом.

Потом еще раз.

Затем крепко ухватил ее за нос, зажав ноздри, и позвал по имени.

Аделаида не шевелилась, на его действия не реагировала.

Удовлетворенный Шаховской подобрал туфельку и захлопнул дверцу.

– Можешь выходить, – сказал он, обращаясь к сиреневым кустам.

* * *

Борис сидел на переднем сиденье рядом с Шаховским. Шереметьеву очень хотелось обернуться и посмотреть назад, но он боялся.

– А то, что ты ей дал... вполне безопасно?

– Абсолютно. Отлично выспится и проснется через восемь часов свежая, бодрая и отдохнувшая. Кстати, ты об этом уже спрашивал.

Борис помолчал.

– А... для ребенка это тоже безопасно? – спросил он, когда машина уже сворачивала с проспекта к больнице.

– Тебя интересует здоровье ее ребенка? – удивился Шаховской и притормозил. – Вот что, Борис. Еще не поздно. Садись за руль и вези ее домой. А там разбирайся с ней сам как знаешь. Машину пригонишь завтра к больнице.

И Шаховской протянул ему туфлю Аделаиды. Эта изящная безобидная вещица из черной замши, на тонком каблуке (у Аделаиды, несмотря на высокий рост, был всего-навсего тридцать седьмой размер обуви) почему-то повергла Бориса в ужас. Он отшатнулся и замахал на Шаховского руками.

Тот пожал плечами и сунул туфлю в бардачок.

– Леонид... подожди... – Борис, мученически сдвинув брови, смотрел прямо перед собой, на алый, горящий в белом круге больничный крест, ясно видимый в конце обсаженной темными кленами аллеи, – подожди... неужели ты не понимаешь, как мне трудно?

Шаховской снова пожал плечами.

– А ты уверен, что она нас не слышит? – понизив голос и воровато оглянувшись, проговорил Борис.

– Об этом ты тоже уже спрашивал, – ответил Шаховской, доставая сигареты.

Старая добрая «Стюардесса». «Pall Mall» и прочие ароматические сосалки – это для женщин, в них и табака-то почти нет. А ему, Шаховскому, сейчас нужно хорошенько взбодрить мозги, иначе они превратятся в студень.

И что он все мямлит?

Нет, ну в самом деле?

Все же за него и без него будет сделано. Не мужик, а кисель какой-то в штанах...

Правильно Аделаида поступила, уйдя от него, такой ли ей нужен!

– Все, – сказал Шаховской, – я пошел. Машину пригнать не забудь.

– Нет! – Борис с неожиданной силой ухватился за него и не дал открыть дверцу. – Нет. Я согласен. Только... объясни мне еще раз, хорошо?

Шаховской завел глаза к обтянутому светлой кожей потолку (Вот дьявол, уже пятно... Откуда?), тяжело вздохнул, промокнул лоб белоснежным носовым платком с вышитыми алым шелком инициалами и принялся объяснять.

* * *

Труднее всего оказалось обходиться без горячей воды для умывания.

Профессору что – он преспокойно брился каждое утро ледяной водой из ручья безо всякого ущерба для своей загорелой физиономии, а нежная кожа Клауса, которую он берег, холил и лелеял, моментально покраснела и покрылась какими-то прыщиками. Клаус решил отпустить бороду, хотя и сомневался, что это ему пойдет.

Клаус был очень высокого мнения о своей наружности.

А что, не худой и не толстый, хорошего мужского роста – метр восемьдесят, не такой дылда, как профессор, с вьющимися темными волосами и небольшими, но яркими голубыми глазами, которые обычно так нравятся девушкам.

Профессор, конечно, тоже неплохо выглядит, и в его светлых волосах совсем не заметна седина, но все же непонятно – почему, когда они рядом, девушки смотрят не на него – молодого, красивого и веселого Клауса, – а исключительно на пожилого и серьезного герра Роджерса.

Когда они вернутся домой, он, пожалуй, не станет знакомить профессора с Эльзой – береженного бог бережет...

Размышления на эту тему развлекали Клауса во время долгого и утомительного подъема на плато, где профессор планировал осмотреться и внести в дальнейший маршрут необходимые коррективы.

* * *

Клаус никогда раньше не бывал высоко в горах (если не считать катания на лыжах в Альпах, на престижных горнолыжных курортах Порт-Дю-Солей) и мог бы, невзирая на трудности пути, отметить для себя много нового и интересного, хотя и недружелюбного.

Ничего общего с глянцевою роскошью курортов не предлагали ему суровые Гималаи.

Серые и черные камни, скользкая каменная крошка под ногами, по которой очень трудно подниматься, но еще труднее спускаться. Редкая, чахлая, вымирающая из-за высоты, перепада температур и разреженного воздуха зелень. Тусклые зеркала ледников и обманчиво мягкие, пухлые снежники, манящие легкостью прохода, а на деле скрывающие под собой коварные трещины – узкие, но достаточные, чтобы провалиться туда вместе с рюкзаком, по шею, а то и еще глубже.

Никакой живности – только промелькнет изредка орлиная тень или попадется полный растаявшей воды след яка.

Холод. Тишина. Пустота.

Холодный резкий ветер, и в то же время – палящее в безоблачном небе солнце. Но раздеться нельзя – обгоришь мигом, да к тому же стоит попасть в тень, как температура падает на десятки градусов, и моментально покрываешься «гусиной кожей» и начинаешь мучительно стучать зубами.

Это Клаус знает точно, он один раз попробовал.

Вершины гор, конечно, великолепны, но не больно-то на них полюбишься – стоит во время пути предаться созерцанию того, что впереди и над головой, а не того, что прямо под ногами, и ты уже катишься кубарем вниз, а потом на тебя падает тяжелый рюкзак.

Это Клаус тоже пробовал. Мазь от ушибов и ссадин, которую, после первого падения, подарил ему профессор, уже практически кончилась.

И, наконец, воздух – холодный, разреженный, стерильный какой-то, абсолютно лишенный привычных запахов и почему-то отдающий жутью. Профессор говорит, это пахнет чистейший в мире горный снег, который лежит тысячелетиями и не тает.

Герр Роджерс вообще знает о здешних горах на удивление много и, похоже, чувствует себя тут как дома. Все ему нипочем: и холод, и слепящее солнце, и тяжкий груз за плечами, и постоянно учащенное из-за разреженного воздуха сердцебиение.

Кlaus завистливо вздохнул, сунул руки за спину и попытался устроить чертов рюкзак хоть немного поудобнее.

* * *

Тропа, по которой они поднимались на плато, была достаточно крутой и частенько вилась по самому краю разнообразных пропастей, трещин и ущелий, таких глубоких, что звук от случайно сброшенного в них камня достигал ушей Клауса с неприятной задержкой (или вообще не достигал).

Поэтому Klaus, наученный горьким опытом, благоразумно переобулся в тяжелые туристские ботинки с шипами и шел очень осторожно, глядя исключительно под ноги.

По этой причине девушку первым заметил не он, а профессор.

Герр Роджерс резко остановился, так что Klaus ткнулся лбом в его рюкзак, да еще и сделал рукой нетерпеливый жест охотника, наткнувшегося на дичь, – тише, мол, спугнешь!

Klaus завертел головой.

Сначала он увидел внизу, по правую руку, какие-то черные мохнатые пятна на снегу. В крошечной долинке, где еще зеленел на камнях мох, паслись яки.

Потом Klaus заметил среди них тоненькую фигурку в туго перехваченном цветастым кушаком овечьем тулупчике и цветастом же платке на голове. Судя по длинным черным косам, свисающим из-под платка, и золотым искрам серег, это была именно девушка, и, вероятно, молоденькая.

Может быть, даже хорошенькая.

Klaus приосанился и выпятил грудь, насколько позволил рюкзак.

Но девушка не смотрела на них – то ли не заметила (что сомнительно), то ли делала вид, что не заметила.

Пришлось развернуться на узкой тропе, иначе в долину было не спуститься.

Спуск оказался более тяжелым и утомительным, чем подъем.

Пока они шли, Klaus надеялся, что девушке не придет в голову переключать со своим стадом куда-нибудь в другое место. Ему очень хотелось рассмотреть ее поближе.

К тому же где-то поблизости, вероятно, находится ее жилище (юрта, чум или что-то в этом роде), а Klaus был совсем не против переночевать в тепле, не в спальнике, а под одеялом, и под нормальной человеческой крышей.

И чтобы хорошенькая китаянка (тибетка, непалка, какая разница!) подала ему в пиале горячий чай с ячьим молоком, а он, в свою очередь, угостил бы ее шоколадом из «неприкосновенного запаса» – настоящим швейцарским, от фирмы «Lindt».

После чего в подробностях рассказал бы ей о тяготах пути, о пережитых приключениях и о трудной мужской жизни. То, что хозяйка юрты, скорее всего, не говорит по-английски, не смущало Клауса – сам он в совершенстве владел понятным любой женщине языком жестов и не сомневался, что дело в конце концов дойдет до массажа ступней.

Профессор же, продолжал мечтать Klaus, известный любитель свежего воздуха, с удовольствием переночует в палатке один.

О шерпах и говорить нечего – в юрте они не поместятся.

* * *

Девушка и впрямь оказалась достойной внимания. Глазки, разумеется, раскосые и узкие, но гладкая смуглая кожа, короткий точеный носик и алые, словно пион, губки были очень даже ничего.

Путешественники выстроились перед ней в ряд; шерпы слегка поклонились, а профессор, протянув руку в приветственном жесте, сказал несколько слов на местном, неудобопроизносимом для белого человека, наречии – вероятно, что-то типа «не бойся нас, мы пришли с миром».

Девушка неторопливо обвела всех взглядом и молча, приоткрыв хорошенький ротик, уставилась на профессора.

Похоже, она и не думала бояться.

Профессор, исчерпавший весь свой гималайский словарный запас, оглянулся на Лай-По. Тот важно выступил вперед и заговорил.

Он говорил долго, с убедительными воркующими интонациями, делал плавные жесты руками, показывая то на горы, то на своих спутников, то на себя, но тоже не добился успеха.

Девушка даже не подала виду, что понимает, о чем ей говорят. Не обращая никакого внимания на разглагольствующего китайца, она продолжала смотреть на профессора – только на него одного.

Ну вот вам пожалуйста, расстроился Клаус, и здесь начинается то же самое.

Похоже, ночевать в палатке придется именно ему.

Профессор также вглядывался в девушку с напряженным вниманием и, как показалось Клаусу, с удивлением.

Внезапно девушка тяжело вздохнула (крылья носика затрепетали, тень от густых ресниц легла на порозовевшие щеки, сердце Клауса дрогнуло – да она не просто хорошенькая, она красавица!) и сделала рукой резкий отстраняющий жест.

Лай-По, слегка осипший, сразу же замолчал. Шерпы взволнованно зашептались.

По-прежнему не говоря ни слова, девушка повернулась и стремительной неженской походкой зашагала прочь. Клаус заметил, что она почти не проваливалась в снег, идя по нему с той же легкостью, что и по камням, не оставляя следов.

За девушкой, обдав путешественников густым кислым запахом, двинулись и яки.

Эти-то следы оставляли, да еще какие, один детеныш провалился по брюхо в снеговую проталину и жалобно замычал, но стоило хозяйке обернуться и нахмурить густые черные бровки, как теленок прекратил скандалить и, выбравшись из ямы со всей возможной поспешностью, кинулся догонять стадо.

– Ну что, подождем немного и двинемся за ней? – азартно предложил Клаус.

Профессор медленно покачал головой.

– Вернемся на плато, – произнес он по-английски.

Шерпы сразу перестали шептаться, с облегчением, как показалось Клаусу, подняли на плечи свою поклажу и один за другим полезли по тропе вверх.

* * *

На плато было ветрено, холодно и неудобно, но все же решили заночевать именно здесь. Профессор сказал, что утром нужно будет хорошенько осмотреться по сторонам, а с плато открывался чудесный вид как раз на нужное им северо-западное направление.

Кlaus обмотал горло толстым шарфом, облачился в вязаную шапочку и пуховик, по секрету от герра Роджерса глотнул из фляжки с неприкосновенным запасом коньяка и пошел прогуляться.

Вокруг плато лежала бархатная, непроницаемая для глаз темнота. Смотреть было особенно некуда, разве что на небо. Огромное, иссиня-черное, усыпанное таким количеством звезд, какое Klaus видел только в детстве, в планетарии. Правда, там это были просто разноцветные светящиеся кружочки, а здесь звезды казались живыми. Они лучились, переливались всеми цветами спектра, подмигивали друг другу.

Klaus некоторое время гадал, что за крупная красноватая звезда зажглась точно посредине расстояния между ближайшими горными вершинами, но потом это занятие ему наскучило, и он подсел к профессору.

На самом деле Klausу очень хотелось поговорить с герром Роджерсом о встреченной сегодня девушке.

Профессор, чтобы лучше видеть небо, разлегся на вытянутом из палатки спальном мешке и закинул руки за голову. Его правильное загорелое лицо в звездном свете казалось совсем молодым. И почему-то печальным.

– Вам что, совсем не холодно? – осведомился Klaus.

Профессор покачал головой.

– У меня есть запасной шарф, – сообщил Klaus.

Профессор снова покачал головой. Он был явно не расположен к беседе.

Немного помолчав, Klaus решил зайти с другого бока.

– Что-то Антарес сегодня особенно яркий, – произнес он, делая изящный жест рукой по направлению к красноватой звезде.

– Это Марс, – наконец разомкнул уста профессор. – Антарес в другой стороне неба, и отсюда мы его видеть не можем – горы мешают.

– Все-то вы знаете, – проворчал Klaus.

И снова воцарилось молчание.

Огненной дугой прочертил небо метеорит. Потом еще один. И еще.

– Красиво! – воскликнул Klaus.

– Ужасно, – возразил профессор.

– Почему? – поразился Klaus.

– Ну, как почему... сам подумай, звезды все падают и падают, скоро ни одной не останется... И будет над нами небо – без звезд...

– А, – облегченно вздохнул Klaus, – это вы так шутите?

– Шучу, – после некоторой паузы отозвался профессор.

– А в самом деле... о чем вы думаете?

– О быстротечности жизни.

Звездное небо заслонила лохматая, с длинными болтающимися ушами голова Klausа. На лице ассистента присутствовало выражение крайней озабоченности.

Профессор вздохнул, приподнялся на локте и внимательно посмотрел на Klausа своими темными, то ли серыми, то ли все-таки синими, глазами.

– А, это у тебя шапка...

– Профессор, а вы... хорошо себя чувствуете?

– Да. Все в порядке. Так о чем ты хотел поговорить?

Klaus неуверенно заерзал.

– Насчет той девушки...

– А, да. Конечно. Насчет той девушки. Ну и что ты о ней думаешь?

– Она красивая. Привлекательная. Я бы не отказался...

– Я не об этом. Разве ты не заметил в ней ничего необычного?

– Ну... молодая девушка, одна, высоко в горах, пасет яков... Это само по себе достаточно необычно. У нее тонкая талия, маленькие ножки и, наверное, красивая грудь...

Профессор покачал головой и посмотрел на Клауса с сожалением.

Этот взгляд был хорошо знаком Клаусу. Многие смотрели так на него, когда он строил свои умозаключения относительно женщин. А некоторые еще и высказывались в том смысле, что и о женщинах нужно думать головой, а не другим местом.

Хотя профессор ничего такого не сказал, Клаус на всякий случай решил обидеться. Что это он, в самом деле? То впадает в ненужные и несвоевременные философствования, то делает вид, что в женщинах его интересует нечто иное, отличное от их женской сути...

– Подумаешь, – заявил Клаус, делая вид, что вот сейчас встанет и уйдет, – вы в моем возрасте тоже, скорее всего, больше внимания обращали на талию и грудь... нежели на что-то другое...

Профессор сел, обхватив руками колени.

– В твоём возрасте, – возразил он, – у меня уже была жена и трое детей.

* * *

Клаус присвистнул.

– Круто! Рассказали бы, а?

– Как-нибудь в другой раз.

– Ну пожалуйста! Я никому не скажу!

Клаус придвинулся к профессору.

Тот пошевелил крыльями короткого прямого носа и пробормотал, глядя в пространство перед собой:

– Кажется, я чувствую запах коньяка. Откуда бы это?

Клаус поспешно отодвинулся.

Ну и ладно, решил он, о личной жизни профессора поговорим как-нибудь потом.

Клаус знал, конечно, что у профессора есть дети (со старшей, Лаурой, он учился в одном классе), а раз есть дети, значит, должна быть и жена.

Просто все в лицее – и преподаватели, и ученики – давно привыкли, что герр Роджерс – один, что за ним не водится никаких интрижек и что даже секретаршей у него работает шестидесятилетняя фрау Лембке.

– Завтра нам предстоит еще один подъем, – произнес профессор, по-прежнему не глядя на Клауса, – а чем выше мы поднимаемся, тем разреженнее воздух. А чем разреженнее воздух, тем сильнее вредное воздействие алкоголя на организм...

Клаус опустил голову.

– Ну ладно, – смягчился профессор, – вернемся к девушке.

– Да! – с жаром подхватил Клаус.

– Ты заметил, что было у нее на лбу?

– Кажется, пятно, – неуверенно сказал Клаус, – да, точно, пятно! Синее, овальной формы, начиналось на переносице!

Профессор одобительно кивнул.

– А посередине синего пятна еще что-то... не успел рассмотреть, да и далеко было...

– Маленький золотой кружок. В синем небе – золотое солнце. Так из какого же она племени?

Клаус засопел.

– Она... она... сейчас вспомню... она из народа лимбу!

Профессор снова кивнул, и Клаус облегченно перевел дух.

Но экзамен по этнографии Непала на этом не закончился.

– Ну и что же мы знаем о народе лимбу?

– Что они... почти все вымерли? – рискнул Клаус.

– Плохо, – огорчился профессор, – и чему только я тебя учил?

– Так это когда было, – возразил Клаус, – еще в лицее. А теперь нам читает лекции профессор Бах. Сплошной Древний Египет и Месопотамия. Третьекурсники его так и называют – Месопотам. Так что не вините себя, вы здесь ни при чем.

– Гм, – улыбнулся профессор. – Ладно. А что было у нее в ушах?

– Как что? Серьги. Золотые, кажется. В виде колец.

– Это были не кольца. Точнее, не совсем кольца.

– Да... пожалуй. Но я не успел рассмотреть...

– Это были змеи, кусающие себя за хвост.

– Ну и глаза у вас, – проворчал Клаус.

Профессор продолжал смотреть на него с выжидательным любопытством.

– Лимбу, лимбу... – бормотал Клаус.

Чтобы удобнее было вспоминать, он улегся на спальник рядом с профессором и закрыл глаза, надеясь, что все нужные сведения вдруг вспыхнут и отпечатаются на внутренней стороне век.

– Лимбу... ну, они это... древнейшие коренные жители Непала. Селятся в основном в провинции Лимбуван. Называют себя яктухмба – пастухи яков... Ну, это понятно... чего тут еще, в горах, делать – не ананасы же выращивать... Религия у них – буддизм, индуизм и... как его... даосизм...

От мучительных усилий вспомнить что-нибудь еще, относящееся к делу, Клаус завожился на спальнике и вытащил из-под него острый камень, похожий на наконечник копья древних людей. Некоторое время Клаус рассматривал его с вниманием, которого редко удостоивались камни и более интересной формы, а потом проговорил:

– А еще молодые лимбу могут заключать браки без разрешения родителей, что вообще является нетипичным для народов Непала. Невеста просто является к родителям на следующее утро и сообщает им, что вышла замуж...

– Очень интересно, – согласился профессор. – Продолжай.

– Однако, – в полном отчаянии произнес Клаус, – не все лимбу рисуют синие пятна себе на лбу и носят золотые украшения в виде змей... Да и Лимбуван этот далеко отсюда, на восточной границе Непала... Что же тогда получается, она...

И тут что-то щелкнуло в мозгу: отдельные, беспорядочно разбросанные куски информации вдруг вспыхнули чистейшим золотым светом и моментально сложились в удивительной красоты и стройности логическую картину.

Клаус отбросил камень в сторону и вскочил на ноги, подобный распрямившейся пружине.

– !..

– Я попросил бы тебя воздержаться от подобных выражений, – невозмутимо заметил профессор, – но, по сути дела, ты совершенно прав. Мы почти у цели.

Клаус перестал метаться и размахивать руками.

– Тогда почему мы не пошли за ней? – почти спокойно спросил он, догадываясь, впрочем, какой будет ответ.

– Потому что она не хотела этого, – сказал профессор, и Клаус кивнул.

– А еще потому, что она ушла на юг, а нам надо на северо-запад.

– Почему вы в этом так уверены?

– Я отвечу тебе потом. Когда мы будем на месте. Если у тебя еще останется желание спрашивать.

В устах любого другого человека, размышлял Клаус, доставая дневник, подобное заявление отдавало бы наглым и неоправданным самомнением. Любого другого, но не профессора.

Герру Роджерсу почему-то все и всегда верят, что бы он ни говорил. Даже шерпы, местные жители, которые в этих горах должны знать каждую тропинку и каждый камень, верят ему и беспрекословно идут туда, куда он их ведет.

А там, может, и нет ничего.

Нет Долины Предков, куда удаляются мудрые и достойные, чтобы вкусить заслуженного блаженства, нет страны, где на небывалой высоте воздух мягок и чист, а прямо на снегу цветут розы и куда с незапамятных времен не ступала нога простого смертного.

А может, все-таки есть? Скептик и атеист Клаус заглянул себе в душу и честно признался, что и он, пожалуй, верит профессору.

* * *

Утром Аделаиду разбудил солнечный луч, такой мощный и яркий, словно солнце успело уже набрать полуденную силу.

Совсем как тогда, в тот их первый, незабываемый мартовский день, наступивший после долгой, полной тревожного ожидания ночи.

Вот сейчас Аделаида повернется, откроет глаза и увидит рядом с собой смятую подушку, еще хранящую королевский аромат (солнце – грозовая свежесть – полынь).

А потом она встанет, соберется и пойдет в школу – не для того, чтобы работать, а чтобы встретить там *его*.

Аделаида повернула голову, открыла глаза и увидела прямо перед собой выкрашенную светло-зеленой масляной краской, с неопрятными белесыми разводами стену.

И сразу же, будто отворили заслонку, в нос Аделаиде ударил запах. Смесь вареной капусты, засох-ших пятен крови и плохо отмытых от мочи суден.

Вот еще, подумала Аделаида, все еще улыбаясь, приснится же такое.

Сзади кто-то деликатно кашлянул.

Аделаида резко повернулась и села в кровати, прижав к груди ветхое, в застиранном пододеяльнике одеяло.

У противоположной стены на стуле расположился Шаховской, в белом халате, со стетоскопом, торчащим из нагрудного кармана. Он сидел, переплетя пальцы на животе, и ласково улыбался Аделаиде.

– Зачем тебе стетоскоп, если ты психиатр? – хриплым, низким, не своим со сна голосом спросила она.

– Я – психоневролог, – мягко поправил ее Шаховской, не переставая улыбаться, – а стетоскоп мне и впрямь не особенно нужен. Годится любая другая блестящая вещь. Но тебя, вероятно, больше интересует, что с тобой случилось и где ты находишься?

– Догадываюсь, – буркнула Аделаида, осторожно ощупывая себя под одеялом.

Кажется, все в порядке. Она по-прежнему была в своем платье, белье и чулках, черные ее выходные туфли стояли на полу рядом с кроватью, а бисерная сумка лежала на тумбочке у изголовья.

Шаховской наблюдал за манипуляциями Аделаиды с выражением полнейшего понимания и сочувствия.

Она, опустив ноги, влезла в туфли и попыталась встать, но тут же ее качнуло, и пришлось опуститься на кровать.

Аделаида сжала ладонями виски (в голове гудело, но не очень сильно, а так, предупреждающе) и крепко зажмурилась.

Потом открыла глаза и зажмурилась снова. Не помогло – больничные стены, Шаховской и запахи пребывали на прежнем месте.

– Ну, ладно, – сдаваясь, произнесла она, – что со мной?

– Это связано с твоим нынешним состоянием, – охотно объяснил Шаховской, – ничего страшного, все совершенно естественно.

– С каким еще состоянием? – взвилась Аделаида. – Ты что, осматривал меня?

На благообразном лице собеседника появилось выражение легкой обиды.

– Я? А зачем это мне? Я, милочка моя, врач, и, смею заметить, неплохой. Мне не нужно укладывать даму в гинекологическое кресло, чтобы определить беременность, восемь-девять недель, не так ли?

Аделаида молча опустила голову.

– Вчера на встрече одноклассников тебе стало плохо, – продолжал Шаховской, – ты потеряла сознание, и мы с Борисом отвезли тебя в больницу.

Нет, это не гинекологическое отделение, – добавил он, отвечая на немой вопрос Аделаиды, – там все переполнено, и я покамест устроил тебя к себе, в неврологию. У нас, как видишь, относительно свободно... ты одна в палате.

– Покамест? – остро взглянула на него Аделаида. – Что ты этим хочешь сказать? У меня много дел, и я не намерена здесь задерживаться!

«О, лошадка показывает норы, – с удовольствием подумал Шаховской. – Задача становится еще более интересной».

– Разумеется, – мягко сказал он, – тебя никто не собирается здесь задерживать. Можешь встать и уйти прямо сейчас.

Аделаида поднялась снова, но на сей раз ее движения были медленными и осторожными. Ее все еще слегка пошатывало, но ноги уже держали.

Она подошла к двери и взялась за ручку.

– Можешь уйти прямо сейчас, – повторил Шаховской ей в спину, – если, конечно...

– Что? – напряглась Аделаида.

– Если, конечно, не боишься потерять ребенка, – четко и отдельно проговорил Шаховской.

* * *

– Я думаю, вы поступили правильно, – сказала завхоз, вручая Аделаиде пакет с халатом, тапочками и прочими необходимыми для больницы вещами. – Здесь вы будете под присмотром. Ничего страшного, многих женщин укладывают на сохранение чуть ли не с первых недель беременности, я вот тоже лежала с младшим, Михаилом, до самых родов... хотя мне было всего... позвольте-ка... тридцать два.

– До самых родов? – с тоской переспросила Аделаида.

– Ну да. А за школу не беспокойтесь, мы там и без вас справимся.

– Но я надеялась, что буду рожать в Швейцарии...

Завхоз задумалась.

– В Швейцарии рожать, наверное, лучше, чем у нас, – с неохотой признала она. – Но ведь туда нужно еще попасть. В общем, спустится Карл со своих Гималаев, вы тогда с ним и решите, что и как делать.

– А пока вам лучше остаться здесь, а то, не дай бог, и правда случится выкидыш. Да и о своем здоровье нужно позаботиться, не тридцать ведь вам и даже не сорок...

Завхоз, как всегда, была права, но от этой правоты у Аделаиды на душе стало совсем тяжело.

После того как Екатерина Алексеевна ушла, Аделаида, переодетая в халат, долго еще сидела, теребя завязанный аккуратным узлом пояс (живот под ним уже начал несколько выдаваться, или ей просто так казалось), и думала.

Всего пару дней назад она была совершенно счастлива и беззаботна.

Она вычеркивала дни в настольном календаре (красным карандашом – оставшиеся до развода и сиреневым – до *его* возвращения из экспедиции). Она мечтала о том, как в начале... в середине... ну, не позже, чем в конце июля, он встретит ее в аэропорту и она сразу же скажет ему... или нет, не сразу, она скажет ему в день их свадьбы.

Он будет рядом с нею (никаких больше экспедиций!), он будет любить ее, заботиться о ней, носить ее на руках, и в положенный срок она родит ему крепкого, здорового малыша.

А теперь – что же получается?

Ей даже позвонить ему не удастся, когда он вернется с гор, – по висящему в коридоре больничному автомату со скрученным в спираль, словно искаженным страданием, проводом, можно разговаривать только с местными номерами.

Придется просить завхоза.

А развод? Позвольте, да ведь если Аделаида не явится в назначенный срок, ее с Борисом не разведут.

Решат, в самом деле, что она передумала.

Две тяжелые, как ртуть, и соленые, как морская вода, капли скатились по ее щекам, проложив дорогу остальным.

* * *

А может, она сама накликала беду, послав Карлу в последнем письме свои любимые стихи?

А ведь писала то письмо в совершенно лучезарном настроении... Тогда она не знала точно, что беременна, хотя кое-какие подозрения на этот счет у нее, разумеется, уже появились.

Когда же узнала, писать о радостной вести было уже поздно – почта в Швейцарию из России идет долго, дней десять, а то и две недели, и он просто не успел бы получить письмо до своего отъезда.

Стихи же она нашла чудесные, нежные, теплые, каждое слово казалось нанизанным на шелковую нить сверкающей жемчужиной. И Аделаида совсем не чувствовала тогда звучавшей в них трагической ноты.

Они были очень старыми, эти стихи, и написал их персидский поэт Хайям – не тот Хайям, который Омар Ибрагим Абуль-Фатх Хайям ан Нишапури, горький пьяница и мизантроп, а нежный, чувствительный и верный своей возлюбленной Гиясаддин Абуль-Фатх Хайям ан Нишапури.

* * *

Это было давно, это было давно
В королевстве приморской земли.
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Анабель-Ли.
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.
И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли.

Но любили мы больше, чем любят в любви, —
Я и нежная Анабель-Ли.
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.
Но, любя, мы любили сильнее и полней
Тех, кто мудростью нас превзошли...
Но ни ангелы неба, ни духи пучин
Разлучить никогда б не смогли,
Не смогли б разлучить мою душу с душой
Обольстительной Анабель-Ли...

* * *

— ...ни ангелы неба, ни духи пучин разлучить никогда б не смогли, — всхлипнула Аделаида, успокаиваясь.

Наплакавшись вдоволь, она почувствовала некоторое облегчение. Умылась холодной водой из находящейся здесь же, в палате, раковины и принялась обследовать помещение.

Палата как палата, двухместная (хотя при желании сюда можно втиснуть еще одну или даже две кровати). Вторая кровать, которая ближе к окну, пуста, на ней голый, ничем не прикрытый, выдавший виды полосатый матрац и подушка без наволочки, вся в вылезших перьях.

Кроме кроватей и раковины, в палате имелись еще два стула и две тумбочки.

Аделаида открыла скрипнувшую дверь и осторожно выглянула в коридор.

Он был низкий, прямой, слабо освещенный, такой длинный, что Аделаида плохо различала его дальний конец. Коридор делился надвое заваленным бумагами письменным столом с зажженной настольной лампой. Здесь, по-видимому, находился сестринский пост, который сначала показался Аделаиде пустым.

Потом в отдалении появился силуэт какого-то больного в длинном сером халате, ковыляющего с палкой вдоль стены к посту; мгновенно над залежами бумаг поднялась голова в белом колпаке и что-то строго произнесла.

Больной (Аделаида так и не успела понять, мужчина это или женщина) испуганно дернулся и поспешно ушел прочь.

Бред какой-то, подумала Аделаида.

А может, я все-таки сплю и ничего этого нет? Вот хорошо бы было...

Она вернулась в палату и подошла к окну.

Окно было довольно большое, двустворчатое и относительно чистое, так что сквозь него хорошо просматривались часть больничной аллеи, обсаженной темными кленами, скамеечка для больных и (сердце Аделаиды радостно дрогнуло) заросли кудрявой персидской сирени.

Ничего, подбодрила себя Аделаида, не без труда открывая тяжелую раму, как-нибудь... Как-нибудь обойдется.

Вот вернется Карл, и все изменится. Он что-нибудь обязательно придумает. Надо просто подождать, и ни в коем случае нельзя расклеиваться, а то что же получается — когда он рядом, я смелая и сильная, а когда его нет, я не могу даже набраться терпения и подождать?

Нет уж, чего-чего, а терпения мне не занимать. Терпения и умения ждать. Что-что, а это я умею. Хотя, может быть, это единственное, что я умею.

И потом, здесь же больница, а не тюрьма, продолжала успокаивать себя Аделаида.

Она провела пальцем по холодной и склизкой от ржавчины оконной решетке.

Ну решетка, так ведь первый этаж — как же без нее?

Захочу, и уйду отсюда в любой момент.

Мало ли что Шаховской говорит, он же не гинеколог.

Вот дождусь завтрашнего осмотра (Шаховской обещал, что осматривать будет сам заведующий гинекологическим отделением) и уйду.

Скорее всего, уйду. Может быть, уйду...

* * *

Аделаида собиралась после обеда погулять, посидеть на скамейке под сиренью, но вместо того задремала, свернувшись клубочком на жесткой кровати и натянув на голову одеяло.

Не то чтобы в палате было холодно – солнечные лучи, беспрепятственно проникая сквозь приоткрытое зарешеченное окно, согревали убогую больничную обстановку ничуть не хуже, чем импортный кожаный диван в кабинете главного врача. Просто Аделаиде казалось, что так оно безопаснее.

Проспать бы все это тяжелое, неприятное, муторное время!

И чтобы потом *его* рука откинула бы одеяло с ее головы!

А пока – не думать ни о чем неприятном! Не вспоминать ничего грустного и страшного!

И, словно повинувшись приказу, сон пришел к Аделаиде, до того приятный и легкий, что она радостно засмеялась. Перышко от подушки, встревоженное ее смехом, поднялось над кроватью, покружилось в ленивом солнечном сквозняке и медленно уплыло за окно.

* * *

Снова был холодный, ветреный, с пробивающимся сквозь тучи солнцем мартовский день. И снова она стояла в своем директорском кабинете, опираясь на край стола, и ждала, что вот сейчас, в следующую минуту, к ней приведут познакомиться иностранного гостя.

Теперь и вспомнить странно, какая она была тогда хмурая и недовольная и как ей хотелось улизнуть от этого знакомства.

Вдруг оказаться дома, одной... и чтобы Лена приехала сама, без Вадима своего...

Телефон выключить, дверь никому не открывать... Муж пусть будет в командировке дней шесть... И никаких футболов по телевизору до двух часов ночи. Двоечников, техничек, штатного расписания, разбитых стекол, поломанных парт, родителей второго «А» – все и всех побоку!

Знала б она тогда, кто стоит перед ее дверью, успела бы если не переодеться, то хотя бы причесаться и подкраситься.

Теперь же она знает. Тонкие пальцы в радостном волнении переплетены под высокой, обтянутой узорчатым шелком любимого лилового платья грудью.

Мимолетный взгляд в висящее на стене овальное зеркало – все в порядке! Лицо и шея над глубоким, прикрытым кружевом вырезом отливают нежной белизной. У нее всегда была великолепная кожа, белая и гладкая, как драгоценный старинный фарфор, с едва заметным розоватым отливом.

И губы хороши и свежи, и глаза – большие, мягкие, словно серый бархат, и длинные темно-пепельные волосы свободно, красивыми волнами падают на плечи, и нет в них ни единого седого волоска.

Входи же, я жду!

Пока англичанка Ирина Львовна с секретаршей Манечкой шепотом препирались в приемной, кому из них представлять гостя, тот, услышав «Войдите!», спокойно открыл дверь кабинета и шагнул через порог. Секретарша с англичанкой ахнули и устремились следом.

Гость приблизился к стоявшей неподвижно Аделаиде Максимовне.

– Карл Роджерс, – представился он приятным низким голосом.

– Аделаида Максимовна Шереметьева, – ответила Аделаида, пытаясь вспомнить, принято ли сейчас при знакомстве с иностранцами подавать руку; ничего не вспомнила, но решила на всякий случай подать. Гость принял руку бережно, словно драгоценность, слегка пожал и на мгновение накрыл другой ладонью, сухой и очень горячей.

– А-де-ла-ида, – повторил он задумчиво, словно имя было совсем уж труднопроизносимое, – Аделаида... Делла... Вы позволите мне называть вас Делла?

Покосившись на замерших у двери Манечку с Ириной Львовной, Аделаида Максимовна смутилась окончательно и в просьбе отказала. Гость, впрочем, нисколько не обиделся и не огорчился, лишь внимательно посмотрел на порозовевшую директрису, и в темных глазах его на миг вспыхнули лукавые золотые огоньки.

Но на сей раз Аделаида и не думала отказывать.

– Да, конечно, – она подняла свободную руку и нежно провела по его густым светлым волосам, – конечно...

Какой он все-таки красивый!

Высокий, стройный, загорелый... и молодой – всего сорок два, а выглядит и вовсе на тридцать пять. И нисколько не похож на профессора и директора школы. Скорее его можно принять за артиста в роли директора школы.

Вот только глаза у него не такие, как у актера, лицедея, притворщика. Они темные, то ли серые, то ли синие, как море в грозу. В них глубина, философские размышления, в них затаенная печаль.

А иногда в его глазах прыгают лукавые чертики... или разгораются золотые солнца.

Аделаида могла бы смотреть в них вечно. И теперь она не собирается терять ни одного дня – как тогда, в марте, потеряла целую неделю... все раздумывала... переживала... сомневалась.

Стоило ей об этом вспомнить, как декорации сменились.

Теперь была мартовская ночь, холодная, ясная и лунная, они вдвоем стояли у подъезда дома, где жила Аделаида.

Козырек над подъездом бросал на входную дверь густую бархатную тень, и Аделаида принялась на ощупь набирать комбинацию кодового замка.

Где-то рядом послышался телефонный звонок. Аделаида вздрогнула от неожиданности и выпрямилась, не успев нажать последнюю кнопку.

Карл вытащил мобильник, посмотрел на высветившийся номер и энергично произнес что-то короткое по-немецки.

– Да! – затем рывкнул он в трубку по-русски, взглядом попросив у Аделаиды прощения. – Слушаю!

В трубке поспешно забубнили что-то высоким и довольно противным, но, без сомнения, мужским голосом. Слов говорившего Аделаида, как ни старалась, разобрать не смогла; пару раз ей показалось, что звонивший произнес слово «филин», но почему Карл проявляет такое внимание к этой птице, было совершенно непонятно.

– Хорошо, – ответил Карл своим привычным, спокойным, тоном, – я сейчас приеду.

Он повернулся к Аделаиде, взял ее за плечи, но не приблизил к себе и не поцеловал, а лишь посмотрел на нее своими темными глазами, в которых горели и сыпали искрами целые золотые созвездия, и сказал:

– Жди. Скоро вернусь.

– Не пушу! – решительно заявила Аделаида сегодняшняя сразу же после того, как раздался звонок. – Даже и не думай!

Никуда не пушу! – продолжала она, уже просыпаясь под звон телефона, доносящийся из открытого окна. – Ты нужен мне и нашему ребенку!

Ты нужен мне, – повторила она, садясь в кровати и прижимая подушку к груди, – где бы ты ни был сейчас... ты мне очень нужен! Услышь меня... возвращайся!

* * *

Утром профессор послал осматриваться Клауса, а сам уткнулся в ноутбук. Клаус побродил туда-сюда, вглядываясь в молочное море внизу (за ночь вокруг плато легли облака, и увидеть что-либо не было никакой возможности), и вернулся к профессору с известием, что спуститься получится лишь по той самой тропе, по которой они вчера поднялись.

Профессор неохотно оторвался от экрана.

– А зачем нам спускаться вниз?

Клаус задумчиво поскреб отросшую щетину.

– А зачем нам подниматься вверх?

Профессор сорвал росшую между камнями короткую невзрачную колючку. На конце ее белел крошечный цветок – звездочка с желтой сердцевинкой.

– Это эдельвейс, – сообщил профессор, нежно поглаживая колючку длинными музыкальными пальцами.

– Не может быть! – огорчился Клаус. – Я всегда думал, что эдельвейс – это крупный, роскошный цветок вроде розы! О его красоте сложено столько легенд...

– В самом деле?

– Ну да, – заторопился Клаус, видя, что шерпы уже собрали свою большую палатку и нерешительно топчутся около их двухместной, – вот, например, такая. Жили-были двое влюбленных, которые почему-то не могли пожениться. Не помню точно, что им мешало... В общем, они решили прыгнуть со скалы, чтобы никогда больше не расставаться. И горы покрылись прекрасными белоснежными эдельвейсами в знак скорби, печали и торжества любви.

– Надо же!

– А вот еще одна... – Клаус краем глаза следил, как шерп Лай-По умело и сноровисто вытаскивает дуги из тента, и молился, чтобы профессору не вздумалось обернуться. – Про принцессу, которая решила выйти замуж только за того, кто принесет ей эдельвейс...

Профессор закрыл ноутбук.

– И, представляете, все женихи взяли и разбежались... Эдельвейсы ведь растут высоко, на неприступных скалах, вот никто и не захотел париться...

– Да ну?

– Точно! Только один и нашелся – добуду, мол, эдельвейс, чего бы мне это ни стоило!

– И как? Добыл?

– Да. Только, пока он ходил за эдельвейсами, прошло очень много времени. Принцесса успела состариться. Так что, когда он, грязный, оборванный и заросший, явился к ней со своим букетом, то даже и не узнал ее сначала. А когда узнал, то сам передумал на ней жениться.

– Клаус, – улыбнулся профессор, – ты отличный рассказчик. Но не трать больше сил – Лай-По уже разобрал нашу палатку и уложил ее в твой рюкзак. Мы можем отправляться в путь.

– А я как раз собирался это сделать, – пожал плечами Клаус, – да, знаете еще что?

– Ну? – вздохнул профессор, прилаживая рюкзак.

– Еще говорят, что духи гор охраняют эти цветы. И сорвать эдельвейс могут только мужественные, сильные духом и чистые сердцем. Вроде нас с вами...

* * *

Непривычно тихие и молчаливые шерпы уже стояли со своей поклажей у края плато и ждали указаний.

Профессор подвел спутников к совершенно отвесной и неприступной на вид скале.

Там он в очередной раз сверился с ноутбуком, а затем повел себя странно – прижал ладони к гладкому камню, закрыл глаза и замер в неподвижности. Клаус в смущении оглянулся на шерпов – те, присев на корточки, наблюдали за профессором с легкой тревогой, но безо всякого удивления.

Наконец правая рука профессора двинулась вверх. Его пальцы зашевелились, словно нащупав на гладком камне что-то не различимое зрением.

Профессор глубоко вздохнул, открыл глаза, и, обернувшись, поманил Клауса к себе.

– Что-нибудь видишь?

Клаус приподнялся на цыпочки.

– Не-а... а чего видеть-то? Камень как камень.

Профессор нагнулся, зачерпнул пригоршню ноздреватого синего снега и старательно растер его по скале.

– А теперь?

От желания увидеть Клаус сощурился так, что из глаз потекли слезы.

И – увидел.

На потемневшем от влаги камне проступили округлые линии.

Кто-то, кому явно некуда было девать время, высек (или вырезал) на высоте двух метров изображение змеи, кусающей себя за хвост. Оно оказалось выполнено очень тщательно, с мельчайшими подробностями: вроде чешуек, зигзагообразного рисунка на спинке и злобных щелевидных зрачков.

Этот «кто-то» должен был быть очень высоким, сдедуктировал Клаус, если предположить, что изображение высечено на уровне глаз.

Гораздо выше профессора, настоящий баскетболист.

Однако насечка выглядит очень старой, почти совсем стершейся из-за всяких там горных эрозий. Возможно, ей сотни или даже тысячи лет. В те времена люди еще не играли в баскетбол.

Или играли?

Клаус представил себе очень высоких узкоглазых людей с кожей цвета шафрана, бритоголовых, в длинных холщовых одеяниях, азартно бегающих по плато, перебрасывающихся тяжелым, сшитым из обрезков ячьей кожи мячом и подбадривающих друг друга гортанными криками.

Клаус отрицательно покачал головой – что-то в этой картине было явно не так.

Оглянулся на профессора – тот, не отрываясь, смотрел на змею, словно ждал, что вот сейчас она оживет, легкой тенью соскользнет со скалы и уползет в нужном им направлении. Клаус тоже стал пристально таращиться на изображение и догляделся до того, что змея подмигнула ему.

Разошедшаяся вконец фантазия Клауса дала пинка его ленивой, дремлющей памяти, и та в считанные секунды выдала правильный ответ.

– Арии! Этот рисунок оставили здесь древние арии!

– Молодец! – похвалил его профессор.

Клаус покраснел от удовольствия. Господин Роджерс отнюдь не был склонен разбрасываться подобными оценками для своих учеников.

Но хорошее настроение Клауса продержалось недолго – до того момента, когда профессор, обогнув скалу, остановился на самом краю обледеневшего козырька над залитой молочными облаками пропастью.

– Нам туда, – сказал он.

Снял рюкзак, положил его на козырек и, повернувшись спиной к пропасти, уцепившись за каменный выступ, ухнул вниз. Через секунду пальцы профессора разжались, и наступила тишина.

* * *

Хотя Клаус и написал в своем дневнике, что все это время сохранял полное спокойствие и самообладание, на самом деле он здорово испугался.

Сначала Клаус подумал, что профессор спятил; потом – что профессор спятил и решил покончить жизнь самоубийством, еще позже – что профессор спятил, решил покончить жизнь самоубийством и ему, Клаусу, придется объясняться по этому поводу сначала с шерпами, а затем и с местными властями.

Однако додумать столь неутешительные мысли до конца Клаус не успел, потому что откуда-то снизу и сбоку, совсем близко, явно не со дна пропасти, послышался голос.

Клаус опустил на четвереньки и, вытянув шею, осторожно посмотрел вниз.

Господин Роджерс, живой и невредимый, стоял на краю довольно широкой каменной полки. Она обвивала скалу какими-то двумя метрами ниже козырька и при этом была совершенно невидима сверху.

Синие глаза профессора сияли, вышедшее из облаков солнце играло и переливалось в его густых платиновых волосах. Он радостно улыбался белыми, как снег, и ровными, как на рекламе зубной пасты «Колгейт», зубами и звал Клауса к себе.

Клаус в растерянности оглянулся на шерпов. Те сбились в кружок и, опасливо посматривая в их сторону, о чем-то совещались вполголоса.

Клаус собрался с духом, лег на живот и *очень осторожно* сполз с козырька.

Все было уже в порядке, он твердо, обеими ногами, встал на каменную полку, почему-то совершенно не обледеневшую, и даже обменялся с профессором крепким рукопожатием, как вдруг нечаянно посмотрел вниз.

Профессор тут же схватил его за шиворот.

Клаус всхлипнул, зажмурился и, повернувшись, уткнулся носом в колючий шерстяной свитер профессора.

От господина Роджерса шел привычный запах грозовой свежести и нагретой солнцем полыни. Глубоко вдохнув его, Клаус немного успокоился.

Профессор ободряюще похлопал его по спине.

– Ну-ну, сейчас все пройдет. Просто не делай резких движений.

– А что это у вас за парфюм? – спросил Клаус, стараясь оттянуть момент, когда придется развернуться, выйти из-под надежной защиты профессорской руки и бесстрашно взглянуть в лицо своему ближайшему будущему.

Но господин Роджерс не успел ответить, потому что из-за козырька высунулась голова Лай-По и о чем-то возбужденно застрекотала.

Профессор сразу же перестал улыбаться.

– Они не хотят идти дальше, – сообщил он Клаусу, – и не хотят, чтобы мы туда шли.

Клаус облегченно вздохнул.

– Они считают, что это смертельно опасно, – продолжал переводить профессор.

«Надо же, какие умные ребята, – про себя восхитился Клаус, – я тоже так считаю...»

– И поэтому они собираются, пока не поздно, вернуться назад. С нами или без нас. В последнем случае они готовы возвратить нам половину денег.

– Э... – Клаус вопросительно посмотрел на профессора, – а мы... то есть я хотел сказать, какая щедрость с их стороны!

– Ты тоже можешь вернуться, – спокойно, словно речь шла о возвращении с обеда в учебный корпус А, предложил профессор.

– А вы?

В этот момент Клаус испытал крайне неприятное ощущение, гораздо более неприятное, чем несколько минут назад, когда по неосторожности заглянул вниз и увидел, что находится там, под разошедшимися на минуту облаками.

– Я иду дальше, – будничным тоном ответил профессор.

Он повернулся к Лай-По и сказал ему несколько слов по-китайски. Лай-По сокрушенно зацокал языком, спустил профессору его рюкзак и протянул руку Клаусу.

– Нет! – неожиданно для себя воскликнул тот.

Его губы и язык перестали слушать мозг и понесли опасную и вздорную отсебятину:

– Подождите! Я хочу немного подумать!

* * *

Да о чем тут думать, взвыл мозг, давай китайцу руку и поднимайся наверх!

Через какие-нибудь пять-шесть дней вернешься домой, в Цюрих...

Примешь горячую ванну, побреешься наконец как белый человек.

Потом ляжешь в постель с настоящими, белыми, накрахмаленными простынями и будешь спать, спать, спать, сколько душе угодно!

Сосед по квартире, студент-медик Вильгельм, как раз уехал на каникулы к родителям, так что никто не станет зубрить над ухом латынь и требовать, чтобы ты гасил за собой свет в уборной и плотно прикрывал дверцу холодильника.

Проснувшись где-нибудь под вечер, наденешь на чистое, отдохнувшее тело новую стильную футболку с эмблемой Rammstein, кожаный пиджак, новые белые джинсы и легкие замшевые кроссовки. Никаких больше тяжелых туристских ботинок и шерстяного нижнего белья! На шею повесишь цепочку с кулоном в виде мертвой головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.